

На правах рукописи

Ланник Леонтий Владимирович

**БРЕСТСКАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ КАК ПРОСТРАНСТВО
ГЕРМАНСКОЙ ГЕГЕМОНИИ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В 1918 г.**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва 2021

Работа выполнена в Отделе новой и новейшей истории Института всеобщей истории Российской академии наук

Научный консультант

Мирзаханов Велихан Салманханович
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: Колоницкий Борис Иванович

доктор исторических наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН

Ватлин Александр Юрьевич

доктор исторических наук, профессор
кафедры новой и новейшей истории
исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова

Нагорная Оксана Сергеевна

доктор исторических наук, профессор
кафедры методики преподавания истории и
обществоведческих дисциплин Ярославского
государственного педагогического университета
им. К.Д. Ушинского

Ведущая организация: – ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Защита состоится 21 февраля 2022 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета 24.1.042.01, созданного на базе Института всеобщей истории РАН по адресу: 119334, Москва Ленинский пр., 32а, ауд. 1406.

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН и на сайте www.igh.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Д.и.н.

Тогоева О.И.

Общая характеристика исследования

Актуальность темы диссертационного исследования.

В отечественной историографии господствует убеждение, что Россия «вышла» из Первой мировой войны 3 марта 1918 г., досрочно, лишив себя права претендовать на плоды одержанной в итоге Антантой победы. Такое мнение разделяют и в странах Согласия, причем с момента заключения Брестского мира. Данная точка зрения вполне объяснима и для советской версии, однако теперь она должна была релятивирована.

Интерес к германской политике на Востоке в 1918–1919 гг. в годы Холодной войны был политически ангажированным по обе стороны «железного занавеса». В базовых работах по истории Германии в Великой войне¹ описание боевых действий на Востоке в 1918 г. оставалось сжатым, ведь эта тема была «неудобна», что сказывается по сей день. Несмотря на рост интереса к истории империй, колониализма и попытки создания сравнительной имперской истории в 2000–2010-х гг.², кратковременный, но яркий эпизод в развитии 4 распадавшихся империй в ходе имплементации Брестского мира остался за пределами внимания. С учетом успешного создания поистине глобальной истории Первой мировой войны, «открытия» все новых регионов в общей картине ее хода³, степень неисследованности второго по значимости фронта этого конфликта выглядит недопустимой. Недавние попытки описать десятилетие почти непрерывной войны в Восточной Европе как процесс превращения имперских пространств в постимперские не просто желательны, а необходимы⁴.

Справедливо отмечалось, что гражданская война стала преобладающей формой вооруженных конфликтов, особенно после 1945 г.⁵ Многоуровневые конфликты и сейчас выдаются лишь за гражданскую войну или за войну сепаратистскую. Присущие этим типам конфликтов специфика и темп,

¹ См.: *Münkler H. Der Große Krieg. Die Welt 1914–1918. Bonn, 2014. S. 13; Kielmansegg P. Graf. Deutschland und der Erste Weltkrieg. Frankfurt/M., 1968.*

² См.: Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / Под ред. И. Герасимова, М. Могильнер, А. Семенова. М., 2010; *Мюнклер Г. Империи. Логика господства над миром / Пер. и комм. Л.В. Ланника. М., 2015; Stuchtey B. Zeitgeschichte und vergleichende Imperien-geschichte // VfZ. 2017. 65(3). S. 301-337.*

³ См., напр.: *Streets-Salter H. Colonialism and Anticolonialism in an Era of Global Conflict. Cambridge, 2019.*

⁴ См., напр.: *Loyalität, Legitimität, Legalität. Zerfalls-, Separations- und Souveränisierungsprozesse in Ostmittel- und Osteuropa 1914–1921 / hrsg. von A. Eisfeld, K. Maier. Wiesbaden, 2014.*

⁵ См., подр.: *Deißler S. Eigendynamische Bürgerkriege. Von der Persistenz und Endlichkeit innerstaatlicher Gewaltkonflikte. Hamburg, 2016.*

особенности применения насилия и социальной динамики несомненны, однако тем важнее проведение исторических аналогий с современными явлениями для анализа политизированного прошлого и наоборот. Меняющийся характер гражданских войн вынуждает исследователей к новым подходам на основе социологических данных, а также параллелям между манерой ведения гражданских войн и интервенций различных эпох⁶. Это ставит вопрос о переоценке роли объективных и субъективных факторов, об уточнении набора действующих лиц, как на групповом, так и на индивидуальном уровне.

Выстраиваемые германо-российскими научными коллективами «отражения» общей истории двух стран нуждаются в еще одной, военной грани, значимой в годы Великой войны и революций как никогда прежде. Весьма настойчивые аналогии между событиями 1910-х и 2010-х гг. побудили историков активнее заняться сочетанием системного анализа международных отношений и рассмотрением «диалектики социальных и национальных факторов»⁷, т.е. многослойностью конфликтов. В ходе открытого военного конфликта великих держав за мировое господство любая война на периферии, особенно гражданская, имеет тенденцию к тому, чтобы обрести признаки прокси-конфликта⁸. При констатировании феномена современных «прокси-войн» нет оснований отрицать наличие подобных им в прошлом, а обращение к такому подходу применительно к истории постимперских пространств сулит перспективы и в исследовании Великой войны.

Степень изученности темы. Максимально сложными исследования по истории гражданских войн и интервенций делают особенности коллективной исторической памяти. Любая гражданская война сложнее прочих конфликтов поддается историзации. Последняя представляет собой особую проблему по мере нарастания роли субъективных факторов⁹, которые особенно значимы в периоды распада империй и революций. Несколько большие шансы на переосмысление событий 1917–1922 г. на просторах бывшей Российской

⁶ См., подр.: *Kalyvas S.N. The Changing Character of Civil Wars, 1800–2009 // The changing character of war / ed. by H. Strachan, S. Scheipers. Oxf., 2009. P. 202-219.*

⁷ См.: *Солдатенко В.Ф. Россия – Крым – Украина. Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. М., 2018; Шубин А.В. 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019.*

⁸ См., напр.: *Чураков Д.О. Локальные войны как звенья большой гражданской войны // Эпоха революции и гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / Под ред. В.В. Калашникова. СПб., 2019. С. 94-102.*

⁹ См.: *Лукашевич А.А. Принцип двойной историзации в источниковедении // Диалог со временем. 2021. Вып. 74. С. 5-18.*

империи у наблюдателей со стороны, то есть историков в том числе из Германии или других западноевропейских стран¹⁰. Нередки попытки исследовать диалектику процессов интервенции (и оккупации) и гражданской войны на региональных примерах¹¹, что имеет свои преимущества и недостатки. До сих пор создавались главным образом слабо коррелирующие между собой историографии отдельных слоев войны, но не многогранной и нелинейной динамики ее развития. Политические мотивы мешают провести назревшую за истекшую сотню лет интеграцию достижений историков разных эпох и стран.

Помимо инерции прежних подходов сказываются пробелы в применении уже развитых направлений. В истории международных отношений и дипломатии исследования, основанные на научном анализе идентичностей, стереотипов и образов, проводятся по меньшей мере последние 30 лет¹². В отношении действующих лиц внешней политики военного времени, которыми зачастую становятся бывшие кадровые офицеры, такой угол зрения почти не встречается. Увлечение историей повседневности, в том числе окопной, привело к тому, что подробно были рассмотрены солдатские стереотипы, но на иные этажи военной иерархии это поле исследования расширено не было. Выходом из методологических затруднений и мнимой исчерпанности источников является, как и на других направлениях, трансляция подходов из иных гуманитарных дисциплин. В последнее время стали набирать оборот новые военно-социологические исследования, имеющие в виду анализ на основе концепции габитуса и подхода П. Бурдьё¹³. Это вновь ставит непростую проблему сочетания междисциплинарных подходов с базовым набором принципов исторического исследования. Она обостряется в связи с развитием новых форм трансфера любой информации, а также благодаря беспрецедентному уровню возможностей по обработке массивов данных.

¹⁰ Gerwarth R. Die Besiegten: das blutige Erbe des Ersten Weltkriegs. S. 104-132. О гражданских войнах и многослойности противостояния в современной историографии: *Колоницкий Б.И.* От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // РИ. 2019. № 1. С. 3-24.

¹¹ См., напр.: *Голдин В.И.* Навязанная извне. Гражданская война и интервенция на Русском Севере: к диалектике процессов // Русский сборник. Т. 28. С. 285-325.

¹² См.: *Behrens G.* Der Mythos der deutschen Überlegenheit. Die deutschen Demokraten und die Entstehung des polnischen Staates 1916-1922. Frankfurt/M., 2013. S. 33-45, 63-227.

¹³ См.: *Kusmierz H., Haring S.A.* Emotion, Habitus und Erster Weltkrieg. Soziologische Studien zum militärischen Untergang der Habsburger Monarchie. Göttingen, 2013.

Для решения исследовательских задач и целостного анализа необходимо привлечение широкого круга источников и литературы.

Отечественная историография

Советская. Во времена становления СССР версия о продолжении Россией, теперь уже Советской, в 1918 г. войны с обоими лагерями империалистов после Бреста уже предлагалась, однако впоследствии окончательно возобладал термин «интервенция». Несмотря на публикацию сборников документов к различным годовщинам Октябрьской революции, остались зияющие лакуны. Их обнаружение и ликвидация в советский период то приостанавливались, то возобновлялись, в зависимости от ситуации внутри СССР и за его пределами.

Сталину было невыгодно изучение аспектов Гражданской войны, что не вписывались в создаваемую легенду о его решающем вкладе в победу РККА (в основном под Царицыном)¹⁴. Выстраивавшаяся с середины 30-х гг. в рамках многотомной истории версия из-за выкраивания огромных кусков после репрессий балансировала на грани фантазмагории¹⁵. Оформившийся таким образом к 1941 г. военно-политический миф поддерживался всеми средствами¹⁶. В 1940-е гг. некоторое оживление в изучении интервенции Центральных держав было связано с нуждами пропаганды в годы ВОВ, когда стала актуальной тема немецких зверств¹⁷. Общие направления патриотической агитации военных лет пригодились и на первом этапе Холодной войны. Однако после 1945 г. главными виновными в интервенции вновь стали страны бывшей Антанты, а их поражение представлялось заведомо обеспеченным¹⁸.

После XX и XXII съездов КПСС стали публиковаться неизданные ранее рукописи, переосмысливаться версии событий в отдельных регионах.

¹⁴ См., напр.: *Генкина Э.Б.* Борьба за Царицын в 1918 г. М., 1940.

¹⁵ См. версию документов с отшлифованными комментариями: *Документы по истории Гражданской войны в СССР / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого.* Т. 1. М., 1941.

¹⁶ Один из первых постсоветских опытов анализа данного конструкта: *Пименов А.Ю.* И.В. Сталин на фронтах Гражданской войны. Царицынский период (лето-осень 1918 г.). *Отечественная историография.* Автореф. дисс... к.и.н. М., 1994.

¹⁷ См.: *Документы о немецких зверствах в 1914–1918 гг. / Сост. П. Софинов.* М., 1942; *Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого.* М., 1942; *Разгром немецких захватчиков в 1918 г. / Сб. докт. М., 1943.*

¹⁸ Библиографию к 1968 г. см.: *Потемин А.И.* Разложение и революционизирование австро-германской оккупационной армии на Украине и в Крыму в 1918 г. Автореф. дисс... к.и.н. М., 1968. С. 3-7.

Появилось новое поколение масштабных монографий по конкретным проблемам военной истории¹⁹. Благодаря 40- и 50-летним юбилеям событий 1917–1918 гг. была дополнена источниковая база по истории Гражданской войны и Октябрьской революции, впервые охватившая все регионы Советского Союза и многие страны социалистического блока. Попытка отказа от сталинской версии позволила к середине 60-х гг. преодолеть ряд прежних мифов и фальсификаций в новых работах²⁰.

Вскоре интерес советских ученых к тематике существенно ослабел. Существенные отличия от сталинской версии событий стали сглаживаться, порой за счет новой волны умалчивания²¹. Продолжавшаяся Холодная война требовала сильнее подчеркивать интервенцию Антанты²² и реже обращаться к деталям интервенции Центральных держав. Жесткое разграничение Первой мировой войны и Гражданской оформилось окончательно. Историю многослойного конфликта подменяли историей партийной. К 1960-м гг. устоялось выражение «в годы Гражданской войны и интервенции»: тот факт, что интервенция и гражданская война представляют собой разные типы военных конфликтов, зачастую игнорировался, как и попытки анализа последней вне классового подхода.

Крупные работы следующего поколения продолжали выходить под названиями, характерными и в 1930-е²³. В начале 1980-х гг. предшествующий трехтомник дополнили версией событий 1918 г., по-прежнему рассматриваемых через призму победы Октября²⁴. Это стало вершиной классической советской историографии. Появление с началом перестройки многих ранее недоступных источников информации, а главное – реабилитация деятелей истории первых лет Советской власти и Гражданской войны привели к переоткрытию многих тем. Стали шире привлекать, а не

¹⁹ См., напр.: *Кадишев А.Б.* Интервенция и Гражданская война в Закавказье. М., 1960; *Мордвинов Р.Н.* Курсом «Авроры». Формирование советского военно-морского флота и начало его боевой деятельности (ноябрь 1917 – март 1919 гг.). М., 1962.

²⁰ См.: *Ахтамзян А.А.* От Бреста до Киля: провал антисоветской политики германского империализма в 1918 г. М., 1963; *Чубарьян А.О.* Брестский мир. М., 1964; *Никольников Г.Л.* Выдающаяся победа ленинской стратегии и тактики (Брестский мир: от заключения до разрыва). М., 1968.

²¹ См.: *Френкин М.С.* Русская армия и революция 1917–1918. München, 1978.

²² См., напр.: *Соловьев О.Ф.* Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 – июль 1918 г.). М., 1968.

²³ См.: *Петров В.И.* Отражение Страной Советов нашествия германского империализма в 1918 г. М., 1980.

²⁴ См.: *Минц И.И.* Год 1918-й. М., 1982.

только критиковать эмигрантские исследования. С конца 1980-х гг. пристальный интерес стали проявлять к различным партиям. Однако принципиальной ревизии устоявшейся и богатой на клише концепции не состоялось²⁵. Мало что изменили переводы важнейших западных работ²⁶, доверие к которым порой было непропорционально высоким.

Советская историография проделала громадную работу по выстраиванию на основе наследия большевистских вождей (5-го собрания сочинений Ленина, главным образом) целостной марксистской версии событий Гражданской войны. На основании дискуссионного набора цитат объяснялась специфика ее хода на различных территориях, без действительно вдумчивого анализа германской оккупационной политики. Многие проблемы оказались «утраченными», по конъюнктурным соображениям, и потому болезненно актуальными, что привело к последующему некритическому заимствованию ряда концепций из белоэмигрантской историографии постсоветскими исследователями.

Историография Русского Зарубежья. Крупнейшие представители военно-исторической науки Первой русской эмиграции (в т.ч. Н.Н. Головин, А.И. Керсновский, С.П. Мельгунов, А.И. Деникин и др.) с точки зрения современной историографии не могут быть причислены к авторам аналитических трудов по истории не только Великой, но и Гражданской войн, так как находились под воздействием личного опыта. Это сближает их работы с мемуаристикой, они порой балансируют на грани публицистики. Тем не менее значение белоэмигрантских работ весьма существенно в связи с их влиянием на германскую и вообще европейскую «историографию Генерального штаба», а также на последующие работы в рамках советологии, посвященные первым годам существования Советской России. Эти труды нередко прекрасно дополняют советскую версию, хотя даже при их сопоставлении остаются зоны умолчания, неизвестные одной из противоборствующих историографий, но старательно скрываемые другой. Значение белоэмигрантских трудов серьезно ослабело после Второй мировой войны, хотя продолжали выходить интересные мемуары и обширная периодика²⁷. Они оказались востребованы лишь частично, за счет

²⁵ См. финальную советскую работу о Бресте: *Ксенофонтов И.Н.* Мир, которого хотели и который ненавидели: документальный репортаж (о заключении Брестского мирного договора). М., 1991.

²⁶ Напр., см.: *О'Коннор Т.Э.* Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 / Пер. с англ. Ю.С. Борисова. М., 1991.

²⁷ Достаточно вспомнить журнал «Часовой». Важнейшие мемуары по истории прогерманского крыла в антибольшевистских силах выходили и после появления

разоблачительного и тенденциозного их «трансфера» на страницах советской историографии²⁸.

Постсоветская. Многие особенности и недостатки советского периода изучения Гражданской войны и интервенции были унаследованы постсоветской историографией²⁹, признающей их наличие, но не свободной от ряда прежних и новых клише. Поначалу новый этап развития характеризовался некоторым пополнением источниковой базы и смелым толкованием партийных маневров, но не принципиально новыми позициями в анализе³⁰.

Новый период российской истории открыло перед отечественными историками возможность исследовать события без оглядки на цензуру, пересматривать штампы советской историографии, чему способствовало расширение доступа к архивам, знакомство с недоступными советским специалистам опубликованными на Западе в 1950-1970-х гг. документами³¹. Их публикацию осуществлял в том числе Ю.Г. Фельштинский (и его соавторы)³², заслуги которого нивелируются его пристрастной позицией. Заполнение лакун, которые ранее поддерживались искусственно, привело к волне критики не только предшествующей историографии, но и политических условий ее создания³³. Проведена работа по некоторой конвергенции советской и белоэмигрантской историографий, по возвращению в научный оборот массы мемуаров, статей в периодике и сборников документов.

Увлечение антибольшевистскими силами в войне 1917–1922 гг. к концу 2010-х гг. преодолено, но выхода на сбалансированный уровень оценки событий (не считая отдельных блестящих исключений) и соответствующей переоценки истории интервенции пока не произошло. Общий уровень корреляции результатов новых трудов отечественных и зарубежных

базовых советских работ по теме: *Трубцкой Г.Н.* Годы смут и надежд, 1917–1919. Монреаль, 1981.

²⁸ См., напр.: *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.

²⁹ См., напр.: *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 687-714.

³⁰ См., напр.: *Макаренко П.В.* Большевики и Брестский мир // ВИ. 2010. № 3. С. 3-21.

³¹ См.: *Germany and the Revolution in Russia 1915–1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry / ed. by C.A. Zeman.* L., 1958; *Lenins Rückkehr nach Russland 1917: Die deutschen Akten / hrsg. von W. Hahlweg.* Leiden, 1957 (рус. пер.: *Возвращение Ленина в Россию / пер. В.А. Игнатиуса.* М., 1990.).

³² См., напр.: *Германия и революция в России 1915-1918 / Сб. док-тов. Сост. Ю.Г. Фельштинский.* М., 2013.

³³ См., напр.: *Наше Отечество. Опыт политической истории.* В 2-х т. Т. 2. М., 1991.

специалистов, достигнув локального максимума в середине 2000-х гг.³⁴, неуклонно снижается. Крепнущая политическая конъюнктура и тренд на околонаучную публицистику с начала 2010-х гг. вернули многих исследователей к квазидержавной ноте в освещении событий, связанных с распадом империи. Это вызвало волну далеких от научной добросовестности выпадов антиимперского характера в новых национальных историографиях.

К 100-летию юбилею Брестского мира была предпринята необходимая, но в лучшем случае обзорная попытка³⁵ суммировать историю восприятия и изучения Брестского(их) договора(ов), но не процесса их имплементации³⁶. Не соглашаясь с советской трактовкой комплексной связи интервенции и Гражданской войны³⁷, российская историография порой остается в рамках вполне советского подхода к восприятию Великой войны и ее событий в качестве лишь сопутствующего фактора, но не исходного импульса³⁸. Есть и противоположные версии³⁹, что влияет на восприятие отечественных работ за рубежом. Попытки выстраивания неполитизированной версии истории Гражданской войны пока не смогли вывести из оборота позднесоветскую ее версию.

После распада СССР военно-дипломатическая история финала Великой войны на Востоке остается за кадром. Детальной периодизации турбулентного брестского периода в двусторонних отношениях пока нет. Влияние системообразующих тенденций в ходе имплементации базовых межгосударственных договоров недооценивается. Внимание к воздействию на развитие событий субъективных факторов встречается лишь в отдельных случаях⁴⁰.

В настоящий момент следует констатировать становление нового этапа историографии, выход фундаментальных и базовых на ближайшее будущее

³⁴ См., напр.: *Уорт Р.* Антанта и русская революция 1917–1918 гг. М., 2006; *Федюшин О.* Украинская революция 1917–1918 гг. М., 2007.

³⁵ См.: *Полторак С.Н.* Брест-Литовск. 100 лет истории переговоров о мире. СПб., 2018.

³⁶ Это отмечал в своей статье: *Mędrzecki W.* Germany and Ukraine between the Start of the Brest-Litovsk Peace Talks and Hetman Skoropad'skiy's Coup // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 23 (1999). № 1/2. P. 47, 51f.

³⁷ См., напр.: *Соловьев О.Ф.* Великий Октябрь и его противники. О роли союза Антанты с внутренней контрреволюцией в развязывании интервенции и гражданской войны (октябрь 1917 – июль 1918 гг.). М., 1968.

³⁸ См., напр.: *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере 1917-1920. М., 2011.

³⁹ См., напр.: *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию. М., 2015.

⁴⁰ См.: *Зимина В.Д.* Белое Дело взбунтовавшейся России. Политические режимы Гражданской войны 1917–1920 гг. М., 2006. С. 174-210.

работ, оформляющих переосмысление истории интервенции и ее контекста⁴¹. Таким образом, отечественная историография, накопив достаточно количественных, но не всегда качественных отличий от громадного прежнего наследия, остается на пороге нового витка изучения этой проблематики.

Зарубежная историография

Историография постсоветских стран. В мировой историографии проблемы определяющее значение имеют работы из бывших государств-лимитрофов, а также Германии и Австрии. Громадная историография по новейшей истории государств Восточной Европы, не раз становившихся лимитрофами распавшихся империй, многолика, но имеет и ряд общих черт. Среди них важно отметить общую тональность в отношении к прежним метрополиям, эмоциональность которой преодолена лишь отчасти. Характерны этноцентричность и подчеркнутая локальность, сознательное искажение масштабов и акторов событий⁴², сюжетные линии разоблачительного оттенка. Это не отменяет объемов и интенсивности прилагаемых усилий, выдающихся результатов в освоении источников и исследовании ряда тем, не раскрываемых в имперской историографии.

Видное место среди национальных историографий занимает польская. Сказываются традиционная роль польской культуры как моста между Центральной и Восточной Европой, академические традиции и политическая конъюнктура. Деятельность ведомств, ответственных за насаждение желаемой версии исторической памяти, не может заслонить огромный объем работы, позволивший высветить недооцененную роль польского фактора в трансформации макрорегиона. Сохраняет прежний высокий уровень историческая периодика, реализованы крупные проекты по публикации и оцифровке источников. Следует констатировать определенную ангажированность в оценках, тенденцию к обвинительному тону в адрес «метрополий», замалчивание неудобных тем.

В меньшей степени сказанное следует отнести к финляндской историографии. Как и в случае с польской, видна тенденция к ослаблению

⁴¹ См.: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918-1924. СПб., 2019; *Улуян А.А.* Туркестанский плацдарм 1917-1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019; *Шубин А.В.* 1918 год. Революция, кровью омытая. М., 2019; *Война, революция, мир. Россия в международных отношениях. 1915-1925* / Под ред. А.В. Ревякина. М., 2019. О франко-российских/советских отношениях см.: *Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции* / Отв. ред. А.Ю. Павлов: в 2 т. СПб., 2021.

⁴² См., напр.: *Россия и Балтия. Вып. 9. Источник и миф в истории* / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2020.

академического транзита достижений российской историографии, что снижает уровень исследований. Общий уровень освоения источников и внимания к историческим проблемам в Финляндии, при куда меньших, чем у Польши ресурсах, следует признать весьма высоким. Несмотря на длительный период после обретения независимости, вполне сопоставима по уровню мифологизации с историческими исследованиями недавно существующих стран румынская историография, одним из направлений которой является обработка в нужном ключе бессарабского вопроса⁴³.

Национальная историография на постсоветском пространстве отличается очевидностью позиции. В современной украинской историографии, прошедшей этап не критичного усвоения зарубежной (канадской) националистической традиции⁴⁴, приходится констатировать попытку не синтеза советской и (анти)советской традиций, а частичного игнорирования или подмены выводов направлений, развитых за десятки лет в различных странах⁴⁵. Принято обобщать мнение лишь одной из политически пристрастных группировок историков и публицистов⁴⁶. Академически сдержанные исследования⁴⁷ все чаще остаются в меньшинстве. В украинской националистической версии исходят из общего для стран Восточной Европы намерения радикального пересмотра советских трактовок даже там, где это не соответствует национальным интересам. Избегают называть боевые действия против австро-германских войск в 1918 г. «войной», Берестейский договор от 9 февраля 1918 г. признан для Украинской народной республики выгодным, ее обязательства по поставкам называются «продажей продовольственных излишков», серьезных разрушений спровоцированный большевиками конфликт в январе-апреле 1918 г. якобы не принес и т.д.⁴⁸ Попытки подстроить украинский материал под направления в европейской историографии о культуре памяти и культуре поражения вызывают слабо фундированные тезисы о связи перипетий Великой войны с развитием

⁴³ См.: *Назария С.М.* Бессарабский вопрос в эпоху мировых войн (1917–1947). Кишинёв, 2018. С. 16-31.

⁴⁴ См.: *Pidhainy O.S.* The formation of the Ukrainian Republic. Toronto; N.Y., 1966.

⁴⁵ О первом этапе постсоветской украинской историографии см.: *Himka J.-P.* The National and the Social in the Ukrainian Revolution of 1917–1920. The Historiographical Agenda // AfS. Bd. 34. 1994. S. 95-110.

⁴⁶ См.: *Яневський Д.* Політичні системи України 1917–1920 років: спроби творення і причини поразки. К., 2003. С. 5-22.

⁴⁷ См., напр.: *Пиріг Р.* Українська гетьманська держава 1918 року. Історичні нариси. К., 2011.

⁴⁸ См.: *Павленко Ю., Храмов Ю.* Українська державність у 1917–1919 рр. К., 1995.

украинского национализма⁴⁹. Это контрастирует с тем, что в австрийской историографии исследуют неприглядные стороны габсбургского стиля ведения войны, включая антиславянскую паранойю, а также послевоенное намеренное искажение памяти и деформацию образа войны в массовом сознании и т.д.⁵⁰ Конечной целью борьбы с советским наследием является попытка поставить гражданскую войну 1917–1922 гг., как тип конфликта, в границы России 1991 г.⁵¹ Этот прием позаимствовали национальные историографии прибалтийских стран, где стремятся подчеркивать только межнациональные и сепаратистские конфликты⁵².

К анекдотическим результатам приводят попытки представить принципиальными борцами за независимость военных деятелей, оказавшихся на службе в армиях государств-лимитрофов в 1918–1920 гг. с конъюнктурными целями⁵³. Все ненужные факты их биографий игнорируются. Одним из примеров героизации с разных политических позиций является историография латышских стрелков. Образцом в распределении внимания и подборе материала отныне стала эмигрантская историография⁵⁴. Лишь недавно начались попытки сближения подходов в освещении их деятельности в 1917–1920 гг. российской и прибалтийской историографии⁵⁵.

⁴⁹ См., напр.: *Hausmann G.* Die Kultur der Niederlage: Der Erste Weltkrieg in der ukrainischen Erinnerung // Osteuropa. Bd. 64. Nr. 2. S. 126-140.

⁵⁰ *Leidinger H., Moritz V., Dornik W., Moser K.* Habsburgs schmutziger Krieg: Ermittlungen der österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914–1918. St. Pölten, 2014. .

⁵¹ Этот тезис констатируют украинские коллеги: *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине в современном историографическом дискурсе // Санкт-Петербургский исторический журнал. № 3 (19). 2018. С. С. 200-201, 209-211; *Солдатенко В.Ф.* В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг. Историко-историографические эссе. М., 2018.

⁵² См.: Прибалтийские исследования в России. 2017–2018 / Сб. стат. межд. науч. конф. Сост. Н.М. Межевич. М., 2018.

⁵³ Крупнейшей историографии удостоился П.П. Скоропадский: *Артизов А.Н., Иванцова О.К.* Гетманат П.П. Скоропадского как историческая, историографическая и источниковедческая проблема // Гетман П.П. Скоропадский. Украина на переломе. 1918 год / Сб. документов. Под ред. О.К. Иванцовой и др. М., 2014. С. 47-52.

⁵⁴ Прежде всего: *Andersons E.* Latvijas vēsture. Stockholm, 1967.

⁵⁵ См., напр., статьи А.В. Шубина «Латышские стрелки между родиной и революцией» и Я. Шилиньша: Россия и Латвия в потоке истории 2-я половина XIX – 1-я половина XX в. М., 2015. С. 165-192. Направление успешно развивают. См., напр. статьи В. Шалды и Е. Назаровой: Россия и Балтия. Вып. 9. Источник и миф в истории / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2020. С. 82-186.

Поток литературы к 100-летию Великой войны смог восполнить ряд пробелов⁵⁶. Немало важных материалов вводится в историографический оборот в попытке написать историю двусторонних отношений новых независимых государств и Германии⁵⁷, хотя на новый уровень относительно предшествующих работ⁵⁸ они выходят не всегда.

При всех достижениях и специфике⁵⁹ историографий национальных государств по-прежнему следует согласиться с зарубежными исследователями, что книга о Финляндии (Эстонии, Латвии etc.) должна быть хотя бы частично книгой «о русской традиции и Советском Союзе»⁶⁰. Уровень конструктивной преемственности и доля взвешенных оценок о периоде 1917–1922 г. в национальных историографиях снижается⁶¹. Межэтнические и приграничные конфликты маскируются ради перехода к якобы транснациональной, искусственно очищенной истории целого ряда регионов и городов (Вильнюса, Риги, Львова, Черновцов и т.д.). Примечательной чертой является стремление создать особую версию истории событий региона, исходя из существующих (или желаемых) по состоянию на начало XXI в. государственных границ⁶². Это гарантирует осовременивание ряда процессов, архаизацию текущей политической повестки и культуры диалога⁶³. Благодаря этим внеметодологическим мотивам возникает разделение общего системного кризиса империи на

⁵⁶ См., напр.: Беларусь в годы Первой мировой войны (1914–1918). Сб. док-тов / сост. В.В. Врублевский. М., 2014.

⁵⁷ См., напр.: *Dornfeldt M., Seewald E. Die Beziehungen zwischen Deutschland und Belarus 1916 bis 1925.* М., 2019.

⁵⁸ См. обзор германо-латвийских отношений: *Purkl A. Die Lettlandpolitik der Weimarer Politik. Studien zu den deutsch-lettischen Beziehungen der Zwischenkriegszeit.* Münster, 1997. Об Украине до провозглашения автономии и независимости: *Remer C. Die Ukraine im Blickfeld deutscher Interessen. Ende des 19. Jahrhunderts bis 1917/18.* Frankfurt/M., 1997.

⁵⁹ См., напр.: *Коваль Р. Багряні жнива Української революції.* Київ, 2005.

⁶⁰ См.: *Jacobson M. Finnland: Mythos und Wirklichkeit.* Helsinki, 1988. S. 5; *Brüggemann K. Die Gründung der Republik Estland.* S. 24.

⁶¹ См.: *Солдатенко В.Ф. Українська революція.* Київ, 1997; *Солдатенко В.Ф. Феномен украинской революции // РИ. 2009. № 1. С. 34-46.*

⁶² *Penter T. The unemployed movement in Odessa in 1917: social and national revolutions between Petrograd and Kiev // Russia's Home Front in War and Revolution, 1914–22. Book 1. P. 267-298.* Отдельно об «украинском вопросе» и отношении к нему населения Одессы: *Penter T. Odessa 1917: Revolution an der Peripherie.* Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 279-342.

⁶³ См., подр.: *Мирзаханов В.С. Пересечение и взаимовлияние региональной и национальной истории: методологические этюды // ЭНОЖ. Т. 11. Вып. 12 (98). 2020.*

отдельные революции. Разработанные потомками эмигрантов в период Холодной войны стройные концепции отдельных революций⁶⁴ были без оговорок восприняты в обретших независимость в советских границах бывших республиках СССР. Именно так возникают Украинская⁶⁵, Азербайджанская⁶⁶, Финляндская и т.д. революции.

Указанные выше черты историографии постсоветских стран оказывают серьезное влияние на степень изученности событий, связанных с финалом Великой войны, в контексте недолгой германской гегемонии в Восточной Европе. Обращение в постсоветских историографиях к истории австро-германской (реже – османской) оккупации западных и южных окраин Российской империи в 1918 г. до сих пор вызывалось потребностью осветить события интервенции как одного из второстепенных факторов в противостоянии между «красными», «белыми» и националистами. Понимание некорректности подмены Ostpolitik лишь оккупационной политикой (Besatzungspolitik) все чаще отмечается в работах германских ученых⁶⁷, но почти не учитывается в национальных историографиях. Насущной проблемой при изучении двусторонних отношений оккупантов и оккупированных является эмоциональный аспект. На таком фоне написать комплексную историю оккупации оказывается сложно, а с точки зрения оккупированных она во многом создана, но исключительно локальная.

Германская и австрийская историографии. Первый слой германской историографии о событиях на Восточном фронте в 1918 г. и в зоне германской оккупации по условиям Брестского мира составили работы офицеров Генерального штаба. После блокирования контактов между СССР и Германией в середине 1930-х гг., в пристально изучающем опыт Первой мировой войны военно-историческом сообществе Третьего рейха ощущали недостаток сведений по истории германской интервенции в 1918 г., воспринимавшейся в свете эвентуального конфликта на Востоке.

⁶⁴ См., напр., сборник статей Гарвардского института по исследованию Украины: *The Ukraine, 1917–1921: A Study in Revolution* / ed. by T. Hunczak. Cambridge, 1977.

⁶⁵ См., напр.: *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине в современном историографическом дискурсе // Санкт-Петербургский исторический журнал. № 3 (19). 2018. С. 199-212.

⁶⁶ См., напр.: *Балаев А.* Азербайджанская революция 1917–1918 гг. в современной историографии // Падение империи, революция и Гражданская война в России / Сост. С.М. Исхаков. М., 2010. С. 149-162.

⁶⁷ См., напр.: *Klare K.-A.* Imperium ante portas. Die deutsche Expansion in Mittel- und Osteuropa zwischen Weltpolitik und Lebensraum (1914–1918). Wiesbaden, 2020. S. 72.

В рамках начатой серии «Послевоенные бои германских войск и фрайкоров»⁶⁸ в Германии перевели и издали важнейшую советскую публикацию источников на основе трофейных архивов⁶⁹. Германская серия (первые три тома которой посвящены событиям на территории бывшей Российской империи⁷⁰) публиковалась до 1943 г., но не была реализована в полной мере⁷¹. Официальная версия истории Великой войны, подготовленная Рейхсархивом и Маринесархивом, дополнялась томами, выходившими из печати до 2010 г.,⁷² и остается незаменимой и незавершенной.

Почти не ограниченная монополия военно-исторических трудов и публицистики межвоенного времени в ряде тем наблюдается и поныне. Непростая ситуация и в методологическом отношении.

В германской историографии действия кайзеровских войск и эмиссаров Центральных держав на первом этапе советско-германских отношений в фокусе внимания оказывались редко. После бурных дискуссий в ФРГ в 1960-70-х гг. шансы на возвращение к военно-политическим темам неуклонно снижались. Германские авторы обращались к теме восприятия новой, большевистской России, вопросам идеологии, политики, культуры, но не ведения боевых действий. Особое место занимала традиция изучения истории Белого движения, восходившая к контактам с белоэмигрантами в межвоенный период. Взаимодействие Первой русской эмиграции, особенно военного ее крыла, с германской исторической наукой заслуживает отдельного исследования.

В марксистской историографии ГДР стремились игнорировать значение субъективных факторов, а после объединения Германии акценты сместились.

⁶⁸ Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps / bearb. u. hrsg. von d. Kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt des Heeres: 9 Bde. B., 1936–1943.

⁶⁹ Die deutsche Okkupation der Ukraine: Geheimdokumente. Strasbourg, 1937. (В оригинале: Крах германской оккупации на Украине / Сб. док-тов под ред. М. Горького, И. Минца, Р. Эйдемана. М., 1936). Аналогичные сборники в Германии уже не перевели: Документы о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. М., 1942; Германские оккупанты в Грузии в 1918 году / Сост. М.М. Габричидзе. Тбилиси, 1942.

⁷⁰ См. переводы: Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Пер. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014; Бои в Прибалтике. 1919 год / Пер. с нем., комм. и науч. ред. Л.В. Ланника. М., 2017.

⁷¹ См.: *Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik*. S. 358.

⁷² См., напр.: *Der Krieg in der Nordsee / Bd. 7. Vom Sommer 1917 bis zum Kriegsende 1918: kritische Edition / im Auftr. des MGFA bearb. und neu hrsg. von G.P. Groß., mitarb. von W. Rahn. Hamburg; Berlin; Bonn, 2006; Das deutsche Feldeisenbahnwesen / hrsg. von H. Rohde. Bd. 2. Hamburg; Berlin; Bonn, 2010. Рукопись последнего была готова в Военно-историческом исследовательском отделе еще в 1944 г.*

Вслед за коллегами из атлантистских стран германские историки все чаще пишут политические биографии дипломатов⁷³ и генералов/адмиралов⁷⁴, отличающиеся фиксацией на политических аспектах, в ущерб собственно дипломатическим или военным. Нет ни одной фундированной биографии основных действующих лиц германской Ostpolitik 1918. Определенным вкладом в исследование роли личности и субъективных факторов в развитии многих событий XX в. в Восточной Европе следует считать серию работ на базе германского Норд-Ост института в Лüneбурге⁷⁵.

Освоение смежных с традиционными полей исследования продолжается. От истории повседневности и аспектов насилия и выживания в условиях тотальной войны обратились к изучению культуры памяти и коммеморативных практик⁷⁶. Приходится констатировать монополию интереса к различным темам, связанным с рецепцией и образами Другого и общественно-культурными последствиями этого в рамках политики памяти, что никак не компенсирует лакуны в якобы «вполне изученной в рамках прежней военно-исторической науки» военной истории. Настойчивое внимание к дискурсу сочетается с забвением ранее проанализированного, приводит к искусственной деформации многих результатов.

Недостаточно развитое международное рецензирование облегчает сохранение наметившихся негативных тенденций, включая небрежность со статистикой и датами. Это отчетливо видно на фоне громадных усилий российских историков по созданию пусть и чисто фактологической, но качественно новой истории военного противостояния на Восточном фронте Великой войны, с куда более активным, чем у коллег из ФРГ, Великобритании etc. использованием немецкоязычных источников и литературы на иностранных языках⁷⁷.

⁷³ См.: *Scheidemann C. Ulrich Graf Brockdorff-Rantzau: (1869–1928); eine politische Biographie.* Frankfurt/M., 1998.

⁷⁴ См. биографию шефа морского кабинета, дополнившую ранее опубликованный дневник: *Fischer J.-U. Admiral des Kaisers. Georg Alexander von Müller als Chef des Marinekabinetts Wilhelms II.* Frankfurt/M. u.a., 1992.

⁷⁵ См.: www.ikgn.de; Individuum und Gesellschaft in Ost- und Nordosteuropa / hrsg. von J. Tauber. Lüneburg, 2017.

⁷⁶ *Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / Пер. с нем. Б. Хлебникова.* М., 2019.

⁷⁷ Следует отметить работы С.Г. Нелиповича и Д.Ю. Козлова. Исключительно с российской стороны, но весьма подробно описывает историю Балтийского флота К.Б. Назаренко.

При всех особенностях Ostforschung⁷⁸ и Ostmitteleuropa-Forschung⁷⁹ можно приветствовать стремление современных историков, сохранив и обсудив вековое наследие⁸⁰, выйти на новый уровень анализа революций, межнациональных и гражданских войн в данном регионе. Для этого следовало бы отказаться от внеакадемических категорий⁸¹.

За последние три десятилетия положение с источниками радикально улучшилось, однако капитального труда по истории действий германских войск на Восточном фронте в 1918–1919 гг. пор не создано. Большинство исследователей вынуждены ссылаться на работы В. Баумгарта конца 1960-х гг., 13-й том версии Рейхсархива и 7-й том «Последней войны Австро-Венгрии», а также на выпущенные десятки лет назад обзорные работы. Частично заполняет пробелы основанная на баварских и украинских архивах работа В. Менджецкого об интервенции, не слишком известная как в России, так и в Германии и Польше⁸². До сих пор фрагментарно освещена история временного рейхсвера⁸³, становление которого было тесно связано с выводом германских войск с Востока.

⁷⁸ См.: *Unger C.R.* Ostforschung in Westdeutschland. Die Erforschung des europäischen Ostens und die Deutsche Forschungsgemeinschaft, 1945–1975. Stuttgart, 2007.

⁷⁹ См. серию сборников Института Гердера в Марбурге “Materialien zur Ostmitteleuropa-Forschung“, „Tagungen zur Ostmitteleuropaforschung“. См. также: *Kleindienst T.* Die Entwicklung der bundesdeutschen Osteuropaforschung im Spannungsfeld zwischen Wissenschaft und Politik. Marburg, 2009. Советскую позицию с фразой о «буржуазных фальсификаторах»: *Косаковский А.А.* Западногерманская буржуазная историография Гражданской войны и иностранной военной интервенции в СССР. Автореф... канд. ист. наук. М., 1972. Современный обзор: *Allenov S.* Die deutsche historische Rußlandforschung im 20. Jahrhundert in der Rezeption der russischen und sowjetischen Historiographie // Hundert Jahre osteuropäische Geschichte. S. 257-280.

⁸⁰ См.: Hundert Jahre osteuropäische Geschichte. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft / hrsg. von D. Dahlmann. Stuttgart, 2005; *Lehr S.* „Schuldige Väter, milde Söhne, strenge Enkel“. Diskussionen über die deutsche Ostforschung // Von Historikern, Politikern, Turnen und anderen / hrsg. von D. Neutatz, V. Zimmermann. Leipzig, 2016. S. 17-42.

⁸¹ См.: *Häfner L.* Rückständigkeit – Zu Geschichte und Nutzen einer umstrittenen Analysekatgorie // Rückständigkeit. Chancen – Formen – Mehrwert / hrsg. von D. Feest, L. Häfner. Köln; Weimar; Wien, 2016. S. 82-112.

⁸² *Mędrzecki W.* Niemiecka interwencja militarna na Ukrainie w 1918 roku. Warszawa, 2000.

⁸³ *Keller P.* „Die Wehrmacht der Deutschen Republik ist die Reichswehr“. Die deutsche Armee 1918-1921. Paderborn, 2014. S. 283-284.

Недооценивают значимость «материалов с Востока» и в недавно изданной истории военной экономики Германии в годы Великой войны⁸⁴. Высказанные в 1994 г. пожелания исследования финансовой истории оккупированных территорий на Востоке⁸⁵ пока таковыми и остаются. Высокопрофессиональные работы 1920-х гг. о денежном обращении в эпоху мировой войны и революции концентрируются на ситуации на территории Советской России и основных правительств белых, но не на западных окраинах⁸⁶. Ряд новаторских усилий по созданию нового представления о различных регионах и отдельных мультиэтничных городах, спорных территориях и расколотых идентичностях был предпринят за последние десятилетия в тематических сборниках статей в изданиях германского Nord-Ost Institut и серии монографий о Северной и Восточной Европе под его эгидой.

Определенные надежды внушает намерение единственного в ФРГ центра военной истории продолжить работу над переосмыслением и переизданием классических работ Рейхс- и Маринearchива. При увлечении большинства европейских историков не-военными темами⁸⁷ показательным выглядит преобразование после 2012 г. некогда крупнейшего Военно-исторического исследовательского отдела (MGFA) в Потсдаме в Центр военной истории и социальных наук (ZMSBw). Существенные пробелы закрывает серия капитальных работ его сотрудников „Zeitalter der Weltkriege“, однако ее одной недостаточно. Сохраняется главным образом старая (и ныне забытая) *история войны*, а вот современная комплексная *военная история* лишь в процессе создания.

Необходимым дополнением к германской военной историографии является австрийская⁸⁸, а также исследования из стран-наследниц бывшей Австро-Венгрии. Они несут оттенок партикуляризма, обладают спецификой

⁸⁴ См.: Die Deutsche Kriegswirtschaft im Bereich der Heeresverwaltung 1914–1918: Drei Studien der Wissenschaftlichen Kommission des Preußischen Kriegsministeriums und ein Kommentarband / hrsg. von M. Boldorf, H. Rainer: 4 Bde. B., 2016.

⁸⁵ См.: Zilch R. Okkupation und Währung im Ersten Weltkrieg. Die deutsche Besatzungspolitik in Belgien und Russisch-Polen 1914–1918. Goldbach, 1994. S. 379.

⁸⁶ См.: Денежное обращение и кредит. Т. 1. Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции (1914–1921 гг.) / Под ред. С.В. Воронина и К.Ф. Шмелева. Пг., 1922.

⁸⁷ См., напр.: Perspektiven der Militärgeschichte: Raum, Gewalt und Repräsentation in historischer Forschung und Bildung / im Auftr. des MGFA hrsg. von J. Echternkamp. München, 2010.

⁸⁸ См., подр.: Broucek P., Peball K. Geschichte der österreichischen Militärgeschichte. Köln, 2000.

и базовыми мифами⁸⁹, в которых проявляются недостатки, свойственные германской военно-исторической литературе, и достоинства, которых последняя лишена. В особенности это касается австрийской военной историографии Первой мировой войны в первые полвека ее становления⁹⁰. В значительной мере уцелевшие документы венского Военного архива (Kriegsarchiv) позволили «австроцентричным» исследованиям потеснить версию истории Великой войны от лица Центральных держав авторства Рейхсархива⁹¹. Кампании 1918 г. на Востоке не повезло: базовые германские работы об этих событиях были опубликованы еще до аншлюса, а после марта 1938 г. началось давление Военно-исторического отдела в Потсдаме на венский Военный архив⁹², что сказалось на приоритетах в работе последнего. Не слишком славным страницам истории габсбургской армии места вновь не нашлось, за этим даже в 1950-е гг. следили возглавлявшие данные инстанции бывшие офицеры австрийского Генштаба⁹³.

К концу XX в. военно-исторические исследования оказались на периферии внимания историков и в Австрии, хотя ввод в научный оборот источников, хранящихся в Вене⁹⁴, продолжается. Следует отметить немалые успехи австрийских исследователей (в т.ч. из Института им. Л. Больцмана в Граце) в изучении Восточного фронта⁹⁵. Особенно значительны достижения австрийских центров в исследовании проблем миграций, беженства, оккупации⁹⁶ (в т.ч. южной Польши и Украины)⁹⁷, военнопленных на

⁸⁹ См. обзор восприятия гибели габсбургской державы в бывших ее частях: *Kusmicz H., Haring S.A. Emotion, Habitus und Erster Weltkrieg. S. 22-37.*

⁹⁰ См., подр.: *Peball K. Österreichische militärhistorische Forschung zum Ersten Weltkrieg zwischen 1918 und 1968 // Die Auflösung des Habsburgerreiches. S. 308-317.*

⁹¹ См. о взаимоотношениях Рейхсархива и Кривсархива в 1920–1930-х гг.: *Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik. S. 322-333.*

⁹² См., подр.: *Hochedlinger M. Doppeladler oder Hakenkreuz? Das „Heeresarchiv Wien“ 1938–1945 // Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 54 (2010). S. 221-284.*

⁹³ См.: *Schmitz M. „Als ob die Welt aus den Fugen dinge“. Kriegserfahrungen österreichisch-ungarischer Offiziere 1914–18. Paderborn, 2014. S. 397-398.*

⁹⁴ См. ряд статей в: *Mitteilungen des Österreichischen Staatsarchivs. 49 (2010), 57 (2014), 58 (2015).*

⁹⁵ См.: *Dornik W. Der „überlagerte Krieg“. Österreichisch-ungarische Soldaten im „Osten“ 1914–1918ff. // Erster Weltkrieg. Globaler Konflikt – lokale Folgen / hrsg. von S. Karner, P. Lesiak. Innsbruck; Wien; Bozen, 2014. S. 95-104.*

⁹⁶ См.: *Scheer T. Zwischen Front und Heimat: Österreich-Ungarns Militärverwaltungen im Ersten Weltkrieg. Frankfurt/M u.a., 2009.*

⁹⁷ *Die Besetzung der Ukraine. Historischer Kontext – Forschungsstand – wirtschaftliche und soziale Folgen / hrsg. von W. Dornik, S. Karner. Graz, 2008; Die Ukraine zwischen Selbstbestimmung und Fremdherrschaft 1917–1922 / hrsg. von W. Dornik. Graz, 2011;*

Восточном фронте и роли последних в распространении революции⁹⁸. Это тем более ценно с учетом слабой изученности кампании 1918 г. на Востоке⁹⁹. Травма крушения габсбургской монархии и вооруженных сил, а также последствий этого в различных регионах Восточной и Южной Европы исследована австрийской историографией хорошо и продолжает изучаться. Внимание австрийских исследователей к сравнению Восточного и Балканского фронтов¹⁰⁰ начинают воспринимать и в германской историографии.

Общий ход разложения австро-венгерской армии на Востоке не был изучен ни межвоенной историографией о распаде армии и двуединой монархии, ни описан современными корифеями историографии¹⁰¹. При содействии австрийских коллег плодотворно работали над темой разложения австро-венгерской армии (но не на Востоке) и особенностями оккупационного режима исследователи с постсоветского пространства¹⁰². Аналогичного качества исследований относительно германской оккупационной армии¹⁰³ пока нет. Рассмотрение этого вопроса упиралось в проблематику травмы «неожиданного» поражения Кайзеррейха в Великой войне, что накладывало отпечаток на логику и приоритеты подбора

Leidinger H., Moritz V., Dornik W., Moser K. Habsburgs schmutziger Krieg: Ermittlungen der österreichisch-ungarischen Kriegsführung 1914–1918. St. Pölten, 2014. Заметных результатов добились германские историки (во главе с Й. Баберовски), занимающиеся изучением «пространств насилия», как на Востоке, так и на Западе. См.: *Schnell F.* Räume des Schreckens: Gewalt und Gruppenmilitanz in der Ukraine 1905–1933. Frankfurt/M., 2012; *Ziemann B.* Gewalt im Ersten Weltkrieg. Töten – Überleben – Verweigern. Essen, 2013.

⁹⁸ *Leidinger H., Moritz V.* Gefangenschaft, Revolution, Heimkehr: die Bedeutung der Kriegsgefangenenproblematik für die Geschichte des Kommunismus in Mittel- und Osteuropa 1917–1920. Wien; Köln; Weimar, 2003; *Moritz V.* Zwischen den Fronten. Die russischen Kriegsgefangenen in Österreich im Spannungsfeld von Nutzen und Bedrohung (1914–1921). Diss. Wien, 2001.

⁹⁹ Почти единственная работа: *Dragoni A.v.* Die österreichisch-ungarische Operationen zur Besetzung der Ukraine 1918 // *MwTM*. 1928 (59. Mai-Juni). S. 267-288.

¹⁰⁰ См., напр.: *Überreger O.* Lebenswelten und Deutungszusammenhänge im modernen Massenkrieg // *MGZ*. 2019. 78 (2). S. 377-411.

¹⁰¹ *Rauchensteiner M.* Der Tod des Doppeladlers. Graz; Wien; Köln, 1993.

¹⁰² См.: *Муронов В.В.* Австро-венгерская армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011.

¹⁰³ См.: *Plaschka R.G., Haselsteiner H., Suppan A.* Innere Front. Militärassistenz, Widerstand und Umsturz in der Donaumonarchie 1918: 2 Bde. München, 1974.

материалов¹⁰⁴. В анализе революционного разложения кайзеровских войск на Востоке современным авторам приходится базироваться на работах межвоенного периода. Таким образом, есть существенные лакуны и в немецкоязычной историографии исследуемой темы.

Историография стран Запада. Многие из отмеченных тенденций свойственны современной историографии стран Запада. Стремясь взять на себя арбитраж между конфликтующими национальными школами, историки из стран, некогда составлявших Антанту, нередко упускают этап анализа особенностей своих не беспристрастных историографий. Это приводит к заведомо некорректным выводам о регионах со сложной этноконфессиональной ситуацией, например, в работах о Закавказье и Северном Кавказе. Западные исследователи истории событий 1917–22 гг. на национальных окраинах ориентируются на далекие от объективности эмигрантские и советологические труды националистического оттенка¹⁰⁵. Из-за обострения международной обстановки эта традиция получает прямое продолжение¹⁰⁶.

Уровень восприятия достижений национальных и российской историографий, готовность критически подойти к мотивам действий держав Антанты оставляют желать лучшего¹⁰⁷. Перевод основных работ западных специалистов идет недостаточными темпами, что приводит к засилью ссылок на крайне ограниченный набор работ зарубежных авторов¹⁰⁸ и архивов. Например, базовая для англоязычной историографии работа О. Федишина¹⁰⁹ написана на не оптимальном подборе дипломатических, но не военных

¹⁰⁴ См.: *Volkman E.O.* Soziale Heeresmißstände als Mitursache des deutschen Zusammenbruches von 1918 // *Die Ursachen des Deutschen Zusammenbruches im Jahre 1918.* 11. Bd. 2. Hbd. В., 1929.

¹⁰⁵ Чрезвычайно популярны, напр.: *Reshetar J.S.* The Ukrainian revolution, 1917–1920: a study in nationalism. Princeton, 1952; *Kazemzadeh F.* The struggle for Transcaucasia 1917–1921. N.Y.; Oxf., 1951; *Kirimal E.* Der nationale Kampf der Krimtürken mit besonderer Berücksichtigung der Jahre 1917–1918. Emsdetten, 1952. В меньшей степени это относится к: *Hovannisian R.G.* Armenia on the road to independence 1918. Berkeley, 1967. Ссылки на эти работы стали сменяться обращением к трудам следующего поколения историографии: *Suny R.G.* The making of the Georgian nation. L., 1988.

¹⁰⁶ *Liber G.O.* Total Wars and the Making of Modern Ukraine, 1914–1954. Toronto; Buffalo; London, 2016.

¹⁰⁷ См. обзор историографии по истории антибольшевистской борьбы: Интервенция на Северо-Западе России 1917–1920 гг. С. 18–32.

¹⁰⁸ См.: *Кенез П.* Подлинная история Добровольческой армии 1917–1918 гг. М., 2017.

¹⁰⁹ См.: *Fedyshyn O.S.* Germany's Drive to the East and the Ukrainian Revolution, 1917–1918. New Brunswick, 1971. Последовавший русский перевод публиковался без НСА.

архивов. Многие из до сих пор востребованных работ страдают описательностью и «антантоцентричностью»¹¹⁰.

В угоду конъюнктуре, в том числе политической, исследования по истории становления новых национальных государств, в том числе в бывших великих державах¹¹¹, зачастую игнорируют военную сторону вопроса.

Одним из препятствий к синтезу достижений историографий различных стран и корректному их трансферу является недооцениваемая проблема в терминологии. Востребованные усилия по ее «сверке»¹¹² не могут быстро преодолеть прежнюю традицию понимания и применения ряда политизированных терминов. Именно это мотивирует к появлению нового поколения работ по проблемам, связанным с Брестским миром¹¹³.

Подводя итоги развития зарубежной историографии, важно отметить высокого уровня исследования политики Центральных держав на Востоке в 1914–1918 гг. в самых разных ее аспектах (работы В. Баумгарта, П. Боровски, М. Менгера, Х. Фолькмманна, В. Биля, В. Цюррера, В. Дорника, В. Мориц и мн. др.) и масштабные публикации источников. Истории оккупационной политики Центральных держав в Восточной Европе 1918 г. от лица главного актора, Германии, сопоставимой с советской историографией различных аспектов Гражданской войны, пока не создано.

Объект исследования – процесс трансформации постимперских пространств в Восточной Европе вследствие Первой мировой войны и по ее итогам в рамках создававшейся в 1918 г. новой системы международных отношений на базе гегемонии Германской империи.

Предметом исследования является Брестская система международных отношений и важнейшая составляющая ее развития – германская оккупационная политика на занятых кайзеровскими войсками в 1918 г. территориях бывшей Российской империи.

¹¹⁰ См., напр.: *Debo R.K. Revolution and Survival: The Foreign Policy of Soviet Russia 1917–1918.* Toronto, 1979; *Debo R.K. Survival and Consolidation. The Foreign Policy of Soviet Russia 1918–1921.* Montreal, 1992. Ряд отрицательных черт перенимают немецкоязычные работы. См., напр.: *Schmid A.P. Churchills privater Krieg. Intervention und Konterrevolution im russischen Bürgerkrieg, November 1918 – März 1920.* Zürich, 1974.

¹¹¹ См.: *Дементьев И.О.* Новейшая французская историография // *Известия Смоленского гос. ун-та.* Смоленск, 2019. № 1 (45). С. 271–287.

¹¹² Переведено частично: *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи: В 2 т. / Пер. с нем. К. Левинсон, сост. И. Ширле и др. М., 2014.*

¹¹³ См., напр.: *Chernev B. Twilight of Empire: The Brest-Litovsk Conference and the Remaking of East-Central Europe, 1917–1918.* Toronto, 2017.

Цель работы комплексно оценить становление Брестской системы в целом, выделить ее структуру, проследить закономерности и проблемы развития, выявить специфику германской оккупационной политики в регионах, включенных в пространство новой системы международных отношений.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

Определить основные характеристики и параметры согласованных в Брест-Литовске мирных договоров от 9 февраля и 3 марта 1918 г. для компаративного исследования последующих мирных договоров Центральных держав на Востоке.

Исследовать политическое оформление использованных в Бресте принципов в мирных договорах ради обоснования военной экспансии в кампании 1918 г. на Востоке.

Проследить общие черты и особенности оккупационного режима на постимперских пространствах, взаимосвязь региональной специфики и взаимоотношений государственных проектов и националистических движений с державами-оккупантами.

Выявить роль коалиционной структуры Четверного союза и конфликтов между Центральными державами для реализации оккупационной политики и переустройства Восточной Европы в условиях германской гегемонии. Проследить влияние территориальных конфликтов в различных регионах на распределение военных усилий держав Четверного союза.

Проанализировать роль Восточного фронта в общей динамике кампании 1918 г. Великой войны на основе динамики перебросок и влияния оккупационных явлений на боеспособность войск Центральных держав.

Дать оценку попыткам трансформации основных договоров складывавшейся системы международных отношений летом-осенью 1918 г. и имплементацию достигнутых между различными странами соглашений.

Выявить значение и наследие Брестской системы в ходе совокупности вооруженных конфликтов в 1917–1923 гг. в Восточной Европе и последующих международных кризисах межвоенного периода.

Хронологические рамки диссертационного исследования. Заключение перемирий в Фокшанах, Бресте и Эрзинджане 9-15 декабря 1917 г. означало важнейшие перемены в судьбе Восточного и Кавказского фронтов, породив новую ситуацию на этих театрах военных действий. Это стало прологом будущей Брестской системы, когда были подписаны первые соглашения, положенные в ее основу, в том числе Брестский (Берестейский) мир с УНР.

Начало уникальной в истории Великой войны кампании на Востоке датируется 18 февраля 1918 г. Окончание ее определялось перипетиями вывода из бывшей Российской империи германских войск. Брестская система как пространство германской гегемонии не могла быть ликвидирована ни подписанием Компьенского перемирия, ни аннулированием Брестского мира. Переход к сворачиванию германского оккупационного режима в регионах (а не постепенное сокращение зоны прямой оккупации с середины сентября) начался в последнюю неделю ноября – с быстрой перестройкой отношений не только между Советской Россией и Германией, но и между последней и всеми бывшими партнерами на постимперских пространствах.

Эпилогом существования зоны германской гегемонии и Брестской системы стала новая фаза войны. Она последовала на большей части Восточного фронта с началом наступления РККА на запад, 19–22 ноября, что привело к ряду вооруженных столкновений между войсками советских республик и отступающими интервентами из Центральных держав. Финалом этой фазы следует полагать окончание вывода с Востока бывших оккупационных войск Германской империи, в том числе из черноморских портов и Литвы к середине марта 1919 г.

Рассматриваемый в диссертационном исследовании период составляет примерно 15 месяцев, с середины декабря 1917 г. по середину марта 1919 г. Основная фаза действия Брестской системы международных отношений на оккупированных Германией пространствах стартовала после установления сравнительно стабильной оккупации, то есть, в зависимости от региона, с конца февраля до начала-середины июня (в Закавказье, например). Этот период продлился до начала полного вывода германских войск 15–20 ноября 1918 г. почти во всех регионах оккупированных пространств Восточной Европы.

Пространственные рамки исследования. Территориальные рамки того, что в Германии включалось в понятие *Ostfront* в конце Великой войны и в первые послевоенные месяцы, не могут быть сведены к германо-большевистскому фронту. От общей логики противостояния между Кайзеррейхом и РСФСР неотделимы конфликты с Румынией, Польшей, государствами Прибалтики, национальными частями русской армии и теми силами антибольшевистского движения, что ориентировались на Антанту, а также столкновения оккупационных войск и их союзников с интервентами из стран Антанты и с местным населением в ареале «от Мурманска до Баку»¹¹⁴.

¹¹⁴ Так определил в своей монографии ареал германской *Ostpolitik* В. Баумгарт. См.: *Baumgart W. Deutsche Ostpolitik 1918: von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkriegs.* Wien; München, 1966.

Структурно Восточный фронт не был расформирован в течение всего 1918 г. Его состав менялся, однако в стратегическом смысле неизменно охватывал все восточное направление. Поэтому в рамках логики ведения Великой войны и вызванных оформлением ее итогов конфликтов военные действия германских войск должны рассматриваться в совокупности. Оставшиеся в глубоком тылу германских интервентов и якобы контролируемые территории – например, Польша, Валахия – имели решающее логистическое значение, отвлекали значительное количество средств и солдат, а затем повлияли на ход вывода войск. В рамках развития событий в кампании 1918 г. продолжением Восточного фронта стало германское военное присутствие в Закавказье. «Грузинский проект» Кайзеррейха оказался следствием Брестского мира, а не только наступления османских войск на Кавказском фронте.

Приоритет хода кампании 1918 г. на Востоке не отменяет необходимости учета событий на других фронтах Великой войны, то есть Западном, Балканском, на турецких ТВД и в Италии, в рамках рассмотрения общей логики в решениях германской Ставки и при анализе баланса и динамики сил на фронтах.

Терминологический аппарат исследования. Всякий межгосударственный договор воздействует на сопредельные со сферой его официального действия территории и страны. Это приводит к проблеме стыковки с условиями действующих соглашений, а в ближайшем будущем оформляется система с характерными свойствами. Одним из последних является невозможность ее анализа на основе отдельных, даже основных ее элементов. Главным параметром всякой системы являются взаимосвязи, а не сами элементы. Перспективы системы прямо пропорциональны потенциалу входящих в нее государств, особенно лидирующих.

Расширение сферы действия и влияния любого набора отношений между акторами по меньшей мере вероятно. При этом системой международных отношений не обязательно признавать только набор межгосударственных связей планетарных масштабов. Не существует аксиоматической связи между системностью многосторонних междуна–родных отношений и пространственными параметрами. Показателем соответствующего качества является особая и выстроенная вне зависимости от иных аналогичных конструкторов структура, но не охват «критической массы» территорий или стран. Это дает основания причислять к системам (а не подсистемам) Брестскую, помимо «традиционных» Версальской, Ялтинской, Венской и др.

Условием успешного развития системы является адекватность условий ее базовых документов текущей обстановке, осознание агентами имплементации этих соглашений явных или скрытых механизмов ее

функционирования¹¹⁵. Наряду с автокаталитическими механизмами, появляющимися в системе с началом ее развития, чрезвычайно значимы субъективные и технические факторы процесса реализации решений, которые сложно учитывать или прогнозировать. Факт нелинейности воздействия психологических особенностей и нюансов биографии действующих лиц на принимаемые решения особенно важен при отказе от стереотипов и бинарных оппозиций. Методологических оправданий попыткам пренебречь такими сложными для анализа факторами нет. Кажущиеся парадоксы и противоречия не являются доказательством алогичности происходившего, а лишь требуют многогранного анализа расстановки и динамики сил.

Системный подход не подразумевает изучения систем исключительно «законченных», полностью сформировавшихся и долговременных. Важна не констатация факта стабилизации системы, а ее перспектива достичь этого состояния¹¹⁶. Богатая историография, посвященная *balance of power(s)*¹¹⁷, отличается рядом черт, которые нуждаются в критическом переосмыслении, ведь основные положения лишь постулируются, а многие проблемы, в том числе роль Брестского мира и иных договоров на Востоке в 1918 г., выпадают из поля зрения исследователей. отождествление баланса со стабильностью, состоятельностью системы с ее равновесием не выдерживает критики в силу динамичности любых системных процессов в международных отношениях. Версальская система являет тому достаточно примеров. Определенное усложнение представлений о ее эволюции дает конструктивные результаты, однако без учета реального, а не желаемого фундамента, включая положение, уже созданное в Восточной Европе договорами Брестской системы, генезис и ход процессов, приведших к краху Версаля, останется не ясен. При бесспорном статусе *failed system* у Брестской системы критичен не срок ее существования и не общий объем конфликтов, а неоформленность ряда базовых параметров, включая набор акторов системы и устойчивую их иерархию.

В рамках системного подхода необходимо понятие о подсистеме международных отношений, к настоящему моменту уже вошедшее в научный оборот и используемое для анализа проблем по линии «ядро –

¹¹⁵ Об акторах см., напр.: *Conrad B. Umkämpfte Grenzen, umkämpfte Bevölkerung. Die Entstehung der Staatsgrenzen der Zweiten Polnischen Republik 1918–1923.* Stuttgart, 2014. S. 23-24.

¹¹⁶ См.: *Kühn F.P. Was ist Gleichgewicht? // Stabilität durch Gleichgewicht? Balance of Power im internationalen System...* S. 204-206.

¹¹⁷ Необходимо отметить многолетние труды А.С. Маныкина и его учеников. Новейшее исследование в рамках этого направления: *Магадеев И.Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е гг.* М., 2021.

периферия»¹¹⁸. Всякая развивающаяся система тяготеет к включению в себя новых элементов, усложняет структуру количественно и тут же развивается качественно. Базовым параметром устойчивости системы является степень ее многомерности и надежности критически важных каналов обмена (товарами, культурой, информацией, людскими ресурсами и т.д.). Чем более неоднородные регионы включены в состав системы, чем сложнее картина накладывающихся друг на друга интересов, тем неизбежнее оформление нового уровня организации.

Подсистемы возникали в тех регионах, где главные акторы системы были вынуждены серьезно считаться с интересами союзников и/или сателлитов. Наличие подсистем в рамках системы накладывает на ее гегемона требование пресекать попытки любой из первых оформиться в отдельную систему. Централизация и вертикальные связи в гегемонистской системе являются залогом ее стабильного развития, усиление горизонтальных связей гарантирует распад и конфликтную трансформацию в многополярную систему.

Всякая система полиструктурна и не может быть описана на основе первичного своего устройства. Каркасом Брестской системы, создаваемой в основном военными средствами в процессе имплементации мирных договоров, оставался военно-административный аппарат. Именно он отражал фундаментальные гео- и военно-политические рамки и тенденции развития системы. Со временем его значение должно было быть потеснено экономической, а потом и культурной и социальной рамками взаимодействия, однако необходимого для этого срока существования Брестскому варианту устройства Восточной Европы отпущено не было.

Методологические основы диссертации. Диссертационное исследование характеризуется сочетанием базовых принципов исторического познания: историзма, научности и объективности с обращением к ряду специальных исторических методов, а также подходам из смежных гуманитарных дисциплин (в том числе социологии и политологии). Важную роль в синтезе новой концепции трансформации постимперских пространств в результате тотального конфликта играют методологические наработки в анализе военных и имперских элит, в том числе концентрация на повседневности элитных акторов, внимание к субъективным, то есть нелинейным факторам принятия и имплементации военно-политических решений с помощью новых направлений в биографических исследованиях и

¹¹⁸ См., напр.: *Миньяр-Белоручев К.В.* Ядро и периферия системы международных отношений: характер взаимодействия // *ННИ*. 2019. № 6. С. 5-18; *Миньяр-Белоручев К.В.* Взаимодействие ядра и периферии системы международных отношений в историческом аспекте // *ННИ*. 2020. № 4. С. 5-20.

просопографии. Результаты системно-структурного метода анализа процессов и явлений дополняются применением компаративного метода для отграничения специфики и отбора базовых черт и тенденций в выделенном объекте исследования и отдельных его элементах. Комплексный характер методологии обосновывает необходимость оценки прежних подходов к проблеме, в том числе господствующих тенденций к масштабированию рассматриваемых проблем.

Жестко ограниченные той или иной страной-контрагентом исследования по истории Ostpolitik были бы корректны лишь при наличии действительно отдельных курсов Германской империи в отношении разных лимитрофов, а этого не прослеживается. Попытка в жанре case-study поставить широкие рамки (например, ограничившись территорией Украины) приводит к тому, что под видом «наиболее характерного» объекта анализируется целый набор топосов. Общие для них выводы возможны в результате сравнений, а компаративный подход исключается благодаря концентрации на отдельно взятом случае. Специфика отличавшегося эскалацией многослойным конфликтом Брестского порядка в Восточной Европе такова, что даже столь крупный и разнородный ее элемент как Украинская держава (в максимальных ее границах) не дает возможности экстраполировать выводы на систему в целом, являясь актуальной методологической проблемой в исследовании многослойных конфликтов¹¹⁹.

Констатация факта значимости стереотипов и образов часто приводит к преувеличению их воздействия, иллюзии необязательности детального прослеживания на конкретных примерах, ведь живописность цитируемых по документам и мемуарам различных предубеждений воспринимается как не требующий дальнейшей разработки аргумент (о «комплексе», «образе врага» и т.д.). Благодаря развитию имагологии, исследованиям индивидуального и группового восприятия различного уровня образов, накоплены определенные результаты, позволяющие сделать следующий шаг в изучении субъективных факторов в процессе принятия решений¹²⁰. Однако не изученная на фактологическом уровне кампания 1918 г. на Восточном фронте, Первая германская оккупация огромных пространств Восточной Европы и последующая эвакуация германских войск на такой уровень исследования шансов пока не имели. Это заставляет тщательно реконструировать событийную историю на основе ввода в оборот новых источников и

¹¹⁹ См.: *Каливас С.* Логика насилия в гражданской войне / Пер. с англ. Н. Алексеевой, С. Алексеева. М., 2019. С. 18-31.

¹²⁰ См., напр.: *Grawe L.* Deutsche Feindaufklärung vor dem Ersten Weltkrieg: Informationen und Einschätzungen des deutschen Generalstabs zu den Armeen Frankreichs und Russlands 1904 bis 1914. Paderborn, 2017. S. 16-19.

статистических методов анализа полученных на их основе данных (о численности войск, потерях и т.д.).

Эти соображения были положены в основу приоритетов в выборе подходов и методов анализа предлагаемой модели истории международных отношений на основе системного анализа, компаративного подхода, исследования субъективных факторов в принятии решения и коллективной биографии военных элит.

Политизированность составляющих избранную тему сюжетов и биографий вынуждает вести дискуссию не после окончания исследования, а в ходе него, что обуславливает необходимость масштабного научно-справочного аппарата. При системном рассмотрении процессов и анализе адекватности воздействия и восприятия их отдельной группой действующих в ней лиц – в данном случае представителями германской военной элиты, простого суммирования наглядных или хорошо проанализированных случаев, например, в форме коллективной биографии, недостаточно.

Источниковая база диссертации. Поскольку слишком многое в Брестской системе было продиктовано и деформировано логикой военных специалистов, непосредственно военными действиями и силовыми акциями, она не может быть корректно освещена на основе лишь дипломатических и политических источников, а темп публикации уцелевших военных архивов (особенно германских) пока не достаточен. Формирование межрегиональной и не сводящейся лишь к одной из сфер истории финала Великой войны на Восточном фронте источниковой базы стало одной из самых трудоемких задач исследования.

Опубликованные источники – нормативные акты, дипломатическая переписка, ведомственная документация и материалы межведомственных совещаний, протоколы заседаний представительных органов – сохраняют немалую роль, однако новые результаты дают лишь при сопоставлении их с теми архивными фондами, что до сих пор по разным причинам были вне научного оборота.

Архивные источники РФ. Особый интерес представляют фонды, образованные соединениями Восточного фронта и различными его инстанциями, оказавшиеся в Центральном архиве министерства обороны (ЦАМО), Российском государственном военно-историческом и военном архивах (РГВИА и РГВА). Имеются отдельные документы в хранилищах бывших союзных республик. Частично эти трофеи были использованы в советских публикациях, в постсоветский период их стали оцифровывать¹²¹.

¹²¹ Проект реализуется Германским историческим институтом в Москве. См.: <http://tsamo.german-docs.inrussia.org/ru/nodes/1-germanskie-dokumenty-pervoy-mirovoy-voyny-tsamo-fond-500-opis-12519>.

Некоторые перспективы открывает работа с сохранившимися трофейными материалами из бывшего Военно-исторического исследовательского отдела (Kriegsgeschichtliche Forschungsanstalt) в фондах РГВА¹²², а также собранные и недавно прошедшие систематизацию остатки этих фондов в Военном архиве во Фрайбурге¹²³.

Последовавшая недавно оцифровка крупной партии документов из АВП РФ¹²⁴ дает основания для создания качественно новой дипломатической истории советско-германских отношений, в том числе на биографическом уровне. Для истории германской интервенции в акваториях Балтийского и Черного морей, известной хуже, нежели сухопутная ее часть, для событий вокруг планирования операций против Петрограда в 1918 г. большое значение имеют фонды РГА ВМФ. Для анализа распада российской армии в 1917–1918 гг. и хода «Фаустшлага» до середины марта 1918 г. важны документы РГВИА. Огромный массив источников, потенциально относящихся к исследуемым вопросам и пока не введенных в историографический оборот, сохранился в РГВА и ГАРФ. Завершение оцифровки описей позволило констатировать наличие большого количества непубликованных рукописей и исследований из бывших эмигрантских архивов (ныне хранящихся в ГАРФ), где не раз обращались к теме взаимодействия с оккупантами из Центральных держав в различных государствах-лимитрофах.

Постепенно идентифицируются сохранившиеся в российском РГА КФД фрагменты российской и германской кинохроники 1917–1919 гг. Особое значение имеют иллюстративные, фото- и видеоматериалы, включая карты.

Германские и австрийские архивы. При методичной работе германских научных институтов по вводу в оборот, публикации, оцифровке и рецензированию новых источников по истории вильгельмовской Германии и ранней Веймарской республики приходится констатировать, что в ФРГ еще не вполне обработаны даже основные личные фонды. До сих пор не изданы мемуары некоторых крупных военных деятелей кайзеровской Германии. В

¹²² РГВА. Ф. 545. Трофейные материалы бывшего Военно-исторического отдела Рейхсархива; Ф. 1235. Документы рейхсканцелярии; Ф. 1255. Документы Потсдамского Рейхсархива; Ф. 1256. Фонд начальника Рейхсархива; Ф. 1275. Коллекция документов из Военного архива в Потсдаме; Ф. 1424. Военно-исторический отдел германских вооруженных сил. Русскоязычные электронные описи до сих пор фактически не доступны, целый ряд немецкоязычных (но не всегда полных) см.: <http://sonderarchive.de>.

¹²³ См.: ВА-МА. RH 18, 60, 61.

¹²⁴ Материалы проекта публикации российских архивов: <http://1917.mid.ru/archives>.

связи с отсутствием спроса в ФРГ нет аналогичной российской программы публикации мемуарных рукописей из архивов.

Воссоединение архивов из бывшей ГДР с архивными инстанциями в ФРГ, масштабный процесс перевозки и обмена, перекомплектования и новой классификации вышел на финишную прямую совсем недавно. Ситуация для анализа источниковой базы улучшилась, однако условий для исчерпывающего рассмотрения набора германских источников по истории Великой войны в 1918 г. на Востоке пока нет. Еще сложнее воссоединение трофейных фондов, остающихся в РФ, и материалов, сохранившихся и сведенных в единую систему в ФРГ. С учетом этих процессов потребовался тщательный анализ перемен в составе и размещении хранящихся документов и коллекций. Необходимы уточнения к изданным В. Баумгартом источникам, ведь в конце 1960-х гг. он был лишен доступа к советским архивам и редким изданиям. С тех пор были опубликованы многие относящиеся к теме Ostpolitik в 1918-м и не-военные источники¹²⁵.

Сбор (или оцифровка) уцелевших фондов Рейхсархива и Военного архива продолжается, однако на радикальное увеличение массива информации шансов немного. Некоторую перспективу дала бы передача в архивы частных коллекций. Остается угроза утраты (по техническим причинам) ряда ценных свидетельств. Ряд материалов несомненно военного происхождения и значимости сохранился в значительной степени оцифрованном Политическом архиве германского МИДа (РА АА). Многие бумаги из военных ведомств, сохранившиеся только в копиях для дипломатов, до сих пор игнорировались, а потому работу с дипломатическими архивами нельзя считать завершённой.

Периодика. Одной из особенностей источниковой базы является вынужденная, но не всегда оправданная зависимость исследований о событиях 1917–1919 гг. от сведений, почерпнутых из периодики. При важности реконструкции информационного фона ссылки на газетные статьи и особенно на указываемые в них цифры потерь и трофеев не выдерживают критики. Неоправданно высоко доверие в западноевропейских работах к специфической эмигрантской мемуаристике¹²⁶.

Одним из лучших исследований германской фронтовой прессы остается диссертация, защищенная в 1937 г., где преобладает (по объективным причинам) внимание к Западному фронту¹²⁷. Почти нет корреспонденции с

¹²⁵ Например, полная версия дневников графа Кесслера, см.: *Kessler H. Graf. Das Tagebuch 1880–1937/ hrsg. von S. Kamzelak, U. Ott: 9 Bde. Stuttgart, 2004–2018.*

¹²⁶ См., напр.: *Solomon G.A. Unter den roten Machthabern. B., 1930.*

¹²⁷ См.: *Kurth K. Die deutschen Feld- und Schützengrabenzeitungen des Weltkrieges. Leipzig, 1937. S. 3, 185, 239-240.*

Востока 1918 г. в сборниках опубликованных фронтовых писем. Единственным в своем роде остается (в течение 90 лет) диссертационное исследование о прессе земли Обер-Ост¹²⁸. Несмотря на внимание современной историографии к «окопной правде»¹²⁹ и продолжающуюся оцифровку источников, в т.ч. газет (армейского, корпусного и дивизионного уровня)¹³⁰, большая часть данных не обработана и не введена в научный оборот. Тем не менее в газетах различных соединений порой представлена информация о том или ином оккупированном регионе, не встречающаяся в иных источниках. Дополнением к раннему этапу исследований по истории Великой войны с более профессиональным освещением сведений, появившихся на страницах фронтовых газет, является периодика межвоенных лет, использующаяся редко¹³¹.

Публицистика. Источники личного происхождения.

Картина боевых действий и оккупационного режима на Востоке может быть воссоздана по германским полковым историям. При оправданной критике данного жанра следует отметить, что игнорировать фактологию искаженных, но целостных версий событий нет возможности. По уровню достоверности полковые истории сравнимы мемуаристикой и дневниками, а порой превосходят их. Многие из них лишь беллетризуют сведения из утраченных в 1945 г. журналов военных действий, что приближает их к опубликованным архивным источникам.

Особое значение имеют архивы в Дрездене, Мюнхене, Штутгарте, а также в Вене. Полковых историй по российскую сторону фронта почти не существует, ситуация с полковыми историями бывшей австро-венгерской армии несколько лучше, однако и там огромные бреши. Комплекс германской литературы данного жанра оказывается в исключительном положении.

Разительный контраст с данными о прусском контингенте кайзеровской армии составляет ситуация с источниками о кайзеровском ВМФ¹³². За счет этого оказывается фундирована история военно-морских инстанций Германии как на Балтийском, так и на Черном морях, где представители

¹²⁸ См. диссертацию бывшего главы отдела прессы Обер-Оста: *Bertkau F. Das amtliche Zeitungswesen im Verwaltungsgebiet Ober-Ost. Diss...* Leipzig, 1928.

¹²⁹ См., напр.: *Lipp A. Meinungslenkung im Krieg. Kriegserfahrungen deutscher Soldaten und ihre Deutung.* Göttingen, 2003. S. 27-61.

¹³⁰ См. крупнейшую их базу: digital.staatsbibliothek-berlin.de

¹³¹ См.: *Militär-Wochenblatt, 1919–1939.*

¹³² Достаточно назвать фонды Адмиралштаба, флотских эмиссаров в Советской России, на Украине и в балтийской акватории, материалы игравшей ключевую роль в Причерноморье Навигационно-технической комиссии: BA-MA. RM 5; RM 41; RM 42.

Адмиралштаба занимали определяющее для хода Ostpolitik положение. Важнейшее значение для исследования имели сохранившиеся в фондах ВМФ документы германских высших армейских, дипломатических и политических ведомств. Сведения из официальной военной документации штабов сохранились и в том случае, если выписки из них были использованы для написания мемуаров. Серьезное осложнение для исследований представляют не особенности мемуарных свидетельств, а принципиальный отказ от них генштабистов по этическим соображениям.

При всех оговорках о полноте сохранившихся архивных источников следует отметить существенный потенциал к обновлению использовавшейся ранее базы. Уникальность содержания военных архивов позволяет успешно решить поставленные исследовательские задачи.

Научная новизна диссертационного исследования. В ходе исследования была детализирована фактология основных военно-политических процессов на постимперских пространствах Восточной Европы в 1917–1919 гг. Сложное полотно событий было впервые проанализировано на основе системного подхода и многофакторного анализа. Была констатирована многослойность продолжавшегося конфликта, в котором интервенты, в том числе из Центральных держав, руководствовались логикой вступившей в стадию кульминации Великой войны. Прослежены связь между ходом и результатами кампаний на различных театрах военных действий и роль в военных усилиях Германии и ее союзников Восточного фронта, сохранявшегося, несмотря на ряд мирных договоров. После окончания фазы активных боевых действий в середине марта – середине июня (в зависимости от региона) основной задачей гегемона системы стало осуществление оккупации громадных пространств. Она дала опыт, значимый для действий германских инстанций во Второй мировой войне, поэтому осуществление оккупационной политики и ее последствия могут быть названы Первой германской оккупацией, достигшей макрорегионального уровня и пика организации именно в 1918 г.

Сочетание синхронического и диахронического подходов в историческом анализе позволило проследить региональные особенности политики и дипломатического курса Германии на всех оккупированных Центральными державами территориях Российской империи, а также Румынии, связанной с ними общей логикой трансформации Восточного фронта и Ostpolitik в условиях кампании 1918 г.

Рассмотрение региональных особенностей выявило трансформацию базовых черт Брестской системы на локальном уровне. При существенных отличиях очевидны общие закономерности и цели гегемона Брестской системы, не всегда умело приспособившегося к формирующимся на

Востоке сателлитам. С помощью вводимых в оборот архивных источников и военно-исторических работ межвоенного периода удалось повысить репрезентативность источниковой базы, до того не позволявшей обратиться к большинству сюжетов, связанных с оккупационным режимом.

Внимание к вкладу субъективных факторов осуществления внешней политики в обстановке революции и постимперского хаоса предоставило аргументы к ряду прежде высказанных догадок либо опровергло тенденциозные оценки, вызванные игнорированием некоторых акторов. Обращение к роли в становлении международных отношений в финале Великой войны не дипломатов и политиков, а кадровых военных, ставших основными проводниками *Ostpolitik* в 1918 г., выявило ряд лакун в созданных в международной историографии и концепциях финала Великой войны.

На основе анализа не вводимых в оборот источников, в первую очередь из германских военных архивов, прослежена специфика субъективных факторов в реализации оккупационной политики, что позволило выявить роль не только региональных особенностей, но и личных и ведомственных установок в имплементации договоров Брестской системы. Ее трансформация, ранее представлявшаяся хаотической, приобрела благодаря этому вид комплексного, но во многом рационализируемого, хотя и малоуправляемого процесса. Отказ от традиционного встраивания всех событий на территории бывшей Российской империи в контекст Гражданской войны в России (в советской ее трактовке) позволил выстроить новую периодизацию происходившего на Восточном фронте Великой войны и на оккупированных Центральными державами территориях.

Выносимые на защиту положения отражают концептуальные результаты проведенного исследования:

1. Подписание в декабре 1917 г. перемирий Центральных держав с распадавшейся русской армией заложило многие основные черты и тенденции будущей версии устройства Восточной Европы, в том числе неизбежность продолжения военных действий в различных формах и после подписания серии мирных договоров.

2. Дипломатическое противостояние в Бресте содействовало эскалации распада Российского государства, что означало нестабильный состав элементов будущей системы международных отношений, накладывало дополнительные задачи на Германскую империю, как ее гегемона, ставило под сомнение действенность базовых договоров и норм на пространстве всей бывшей Российской империи и сопредельных с ней стран, хотя это противоречило интересам основных договаривавшихся сторон.

3. Возобновление боевых действий на Восточном и Кавказском фронтах и балансирование на грани войны на Румынском фронте деформировали

намеченные компромиссы, привели к дальнейшему дисбалансу в расстановке сил, усилили разногласия внутри и без того неоформленного альянса Центральных держав. Весной 1918 г. многослойный конфликт на территории бывшей Российской империи быстро усложнялся, что стало, в том числе, прямым следствием роста германской активности.

4. Зона оккупации, преимущественно германской, в феврале-июне 1918 г. была резко расширена, что помешало концентрации сил Центральных держав на приоритетных фронтах Великой войны. Отказаться от захвата крупных территорий мешали сырьевой и продовольственный дефицит, инерция и импровизированный ход военных действий, обязательства стран Четверного союза перед их новыми сателлитами, внутрикоалиционное соперничество. Последствия перенапряжения сил и амбициозных проектов стали одной из важнейших причин поражений и развала периферийных фронтов, а также неудачи германского наступления на Западе и австро-венгерского в Италии в кампании 1918 г. Влияние Восточного фронта на ход решающей кампании 1918 г. на всех основных фронтах Первой мировой войны нуждается в научной переоценке.

5. Специфика оккупационной политики проявлялась на всех бывших западных и юго-западных окраинах Российской империи. Ее обусловили локальные этнонациональные, социально-экономические и военно-политические факторы, накладывавшиеся на общую логику усилий оккупантов. Они действовали, исходя из имевшихся в их распоряжении силовых и политических ресурсов, с учетом поддерживавшихся (или наоборот) государственных проектов, амбиций основных эмиссаров на местах и расстановки местных политических сил, особенно под влиянием активного противодействия становлению Брестской системы со стороны Антанты.

6. Сложное взаимодействие 1) логики развития системы, основанной на германской гегемонии и экспансии, с 2) субъективными факторами и позициями исполнителей *Ostpolitik*, среди которых преобладали военные, и 3) ходом Великой войны и других конфликтов в сопредельных регионах и на важнейших фронтах определило динамику развития системы, ее устойчивую нестабильность, массу деформаций и флуктуации, потребность в постоянном редактировании основных соглашений ради их актуальности текущей обстановке.

7. Решить столь сложную задачу не смогли все основные элементы Брестской системы. Не хватало технических и организационных возможностей, качества в анализе обстановки и возможных проектов, квалифицированных исполнителей на местах и последовательности в позиции центральных органов принятия решений. Фрагментация

постимперских пространств вышла из-под контроля задолго до ослабления оккупационных режимов, а сателлиты компенсировали отсутствие политической субъектности чрезмерными амбициями, что провоцировало новый виток конфликтов. Управляемость реструктуризации оккупированных территорий оказалась мнимой, а шансы добиться их оптимального использования – иллюзорными. К осени 1918 г. все более негативное влияние оказывала внутривосточная нестабильность не только в Советской России и лимитрофах, но и во всех Центральных державах.

8. Это парализовало напряженные и зачастую успешные усилия по трансформации хотя бы некоторых соглашений, включая Добавочный договор от 27 августа 1918 г., привело к срыву ряда подготовленных сделок между лимитрофами под германским патронажем. С сентября 1918 г. все сильнее сказывалось изменившееся соотношение сил между основными элементами Брестской системы, ведь позиции Советской России укреплялись, а Центральных держав – слабели, порой катастрофически, чему сопутствовали революционные явления на фронте и в тылу. Это подталкивало к новому этапу трансформации системы, который был сорван неожиданно быстрой победой Антанты поздней осенью 1918 г.

9. Последовавший с конца ноября 1918 г. этап передела бывшей сферы влияния Центральных держав в Восточной Европе привел к эскалации ряда заложенных Брестской системой вооруженных конфликтов, ход которых был тесно связан не только с противостоянием РККА и большевистских сил, но и с темпами эвакуации и последующей демобилизации войск оккупантов, особенно частей германской армии. Противоречивые результаты зимне-весенней кампании 1919 г. и провал интервенции Антанты привели к тому, что значительная часть пространства Брестской системы так и не была включена в создававшееся Версальское мироустройство, по крайней мере в желаемой для его создателей степени.

10. Недооцениваемая основными акторами событий сложность процессов на постимперских пространствах Восточной Европы обеспечила неудачу в становлении Брестской системы, которую следует отнести к ранее не выделявшейся категории failed system. Ее особенности гарантировали серию конфликтов на всей территории распавшихся империй и после окончания Великой войны, став одной из причин последующих кризисов Версальской системы.

Научно-практическая значимость исследования. Основные тенденции в историографии по кругу рассмотренных вопросов указывают на необходимость конвергенции результатов ряда научных направлений – от чистой военной истории до системного анализа международных отношений и коалиционной стратегии. Преимущество многих проблем и исторических

мифов на постимперских пространствах делает актуальными результаты исследования для разрешения ряда спорных вопросов, до сих пор слабо поддававшихся историзации. Распространение в современном мире многослойных конфликтов требует анализа исторических прецедентов, что дало бы перспективу не только для прогностики, но и для выработки методов поэтапного урегулирования войн, отмеченных сочетанием действий внутренних и внешних акторов. Применить результаты исследования возможно в ряде общих и специальных учебных курсов на гуманитарных специальностях подготовки, включая историю России и сопредельных стран, а также историю международных отношений, историю эпохи тотальных войн XX в. и т.д.

Апробация результатов. По теме исследования был опубликован ряд статей, сделана серия докладов на всероссийских и международных конференциях. Промежуточные результаты исследования обсуждались на коллоквиумах в ряде учебных и научных центров (Санкт-Петербург, Москва, Тюбинген), в том числе во время стажировок и работы в рамках стипендиальных проектов. В связи с необходимостью пополнения корпуса источников по теме и благодаря успешной работе в архивах был осуществлен и опубликован перевод ряда важных документов и воспоминаний. На вышедшую в 2020 г. на основе диссертационного исследования монографию последовал ряд рецензий как в России, так и в Германии. Общий объем публикаций по теме составил около 128 п.л.

Структура диссертации определяется выдвинутой концепцией: рассматриваются дипломатические рамки, военно-политические условия, детали оккупационной политики, ход деформации и сворачивания Брестской системы после поражения Центральных держав. Оцениваются последствия ее формирования для межвоенного баланса сил.

При огромном размахе германской сферы влияния, полученной в условиях Брестской системы, описывать ее приходится, обращаясь по очереди к ряду регионов, что вынуждает к отказу от хронологического изложения ради демонстрации параллельных процессов с учетом локальной динамики. Это определило структуру работы, состоящей из введения, 4 глав в 15 параграфах, заключения и списка источников и литературы.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность избранной темы, определяются предмет и цель исследования, формулируются задачи, анализируется историографическая ситуация, дается обоснование хронологических и пространственных работ, описывается терминология исследования, дается

характеристика методологии и специфики источниковой базы, выделяется научная новизна и практическая значимость диссертационного исследования.

В первой главе «Дипломатическое оформление будущего устройства Восточной Европы» рассматриваются рамочные условия создававшейся с конца 1917 г. новой версии устройства Восточной Европы дипломатическими средствами. Реструктуризация постимперских пространств в Восточной Европе была неизбежна при любом исходе Великой войны. Этот процесс стартовал сразу после начала боевых действий в 1914 г. Подогревая этнический сепаратизм, каждая из империй создавала опасные прецеденты, усиливала позиции антиимперских сил. Задолго до окончания тотальной войны трансформация постимперских пространств стала необратимой. Ее управляемость явилась предметом амбиций победителей и параметром сделок с побежденными и союзниками, однако обеспечить жесткий механизм оформления итогов войны, имплементацию подписанных договоров всегда необычайно сложно. Многие исследователи революционных процессов демонстрируют взаимодействие кризиса государственности, социальных и национальных конфликтов¹³³, делая внешнюю политику фоном надвигающихся радикальных перемен, катализатором внутреннего переворота, недооценивая иные исторические явления.

На переговорах в Бресте обсуждался широчайший круг региональных проблем, выходявших за рамки Восточной Европы, что сказалось на ходе всей кампании 1918 г. Показано, что еще в ходе тяжелых дискуссий в Бресте их участники задействовали ряд средств и лозунгов, которые определили дальнейший ход развития и деформацию заявленных принципов реструктуризации постимперских пространств. Особенности беспрецедентного переговорного процесса привели к использованию зеркальных средств пропаганды, к двойственности проводимого всеми державами внешнеполитического курса. Затраченные политические ресурсы исключали легитимацию заявленного компромисса и последовательную имплементацию любых подписанных в его рамках договоров.

Во втором параграфе главы – «Согласование локальных договоров системы (Берлин, Бухарест, Батум)» прослеживаются схожие с Брестом черты и прямые его последствия при переговорах и заключении важнейших для складывавшейся системы региональных договоров – Берлинского договора с Финляндией, Бухарестского мира, серии Батумских договоров

¹³³ См.: *Altrichter H.* Russland 1917. Ein Land auf der Suche nach sich selbst. Paderborn, 2017; *Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г.* Война, породившая революцию: Россия, 1914–1917. М., 2015. Некоторые отличия от такого подхода см.: *Beyrau D.* Krieg und Revolution. Russische Erfahrungen. Paderborn, 2017.

между Османской империей, странами Закавказья и Северного Кавказа. В каждом из случаев сказывалась региональная специфика, но логика имплементации и ее результаты подчинялись общим закономерностям складывающейся новой системы международных отношений, дополняя ее рядом особенностей и конфликтов, сказывавшихся за пределами исходного региона, осложняя коалиционное взаимодействие и балансировку сил и стабилизацию системы в целом.

В главе второй «Военные рамки новой системы международных отношений» рассматриваются военно-политические условия Брестской системы и общие перспективы ее развития в контексте кампании 1918 г. В первом параграфе изложена проблематика коалиционных действий Четверного союза на финальном этапе Великой войны. До сих пор история коалиционных стратегий исследована слабо, а нюансы отношений между союзниками рассматриваются через набор отдельных региональных стычек и компромиссов. Хотя все Центральные державы смогли принять участие в кампании 1918 г., в том числе в боевых действиях на постимперских пространствах, только Германская империя имела в виду победу на фронтах собственными силами. Основой для таких расчетов были не только грубые ошибки в оценке действий Антанты, но и предоставленные «победой» на Востоке возможности. Последние было необходимо перераспределить между периферийными фронтами и добиться оптимального – с точки зрения коалиции в целом, а не амбиций отдельных ее участников – их использования. Это требовало оформления Четверного союза в более жесткую систему постоянных обязательств, что теперь было еще сложнее, ведь расширившаяся зона оккупации добавила ряд внутрикоалиционных конфликтов. Необходимо было определиться со статусом сателлитов и партнеров из числа наследников бывшей Российской империи. Такой набор проблем не мог быть решен в течение одной кампании, к тому же роковую роль сыграли личные особенности высшего руководства всех стран Четверного союза и государств-лимитрофов на Востоке.

Неудачи в осуществлении германского диктата дипломатическими средствами усиливали роль военных инструментов навязывания воли Берлина и союзникам, и оккупируемым территориям. Во втором параграфе главы «Германские войска на Восточном фронте после Брестского мира: численность и структура» рассматривается история германских оккупационных войск. Их состав, точную численность и степень боеспособности восстановить сложно, ведь в историографии это направление не развито, а большая часть источников погибла. Тем не менее удалось реконструировать общую динамику распределения военных усилий Германии между фронтами, постепенное ослабление контингента

оккупационных войск. Реалии пребывания на «мирном» Востоке, столкновение с периферией и глубинкой распавшейся империи, разлагающее воздействие якобы тыловой жизни с широким спектром контактов с местным населением, испытание коррупционными возможностями возымили глубокие последствия при разложении кайзеровских войск. На Востоке оно шло менее драматично, но более неуклонно, чем на других фронтах. Командование понимало тяжесть нависшей угрозы, но оказалось бессильно перед негативными явлениями, часть из которых была вызвана подрывной деятельностью агитаторов. Постоянное качественное и количественное ослабление делало контроль над огромными территориями номинальным. К осени 1918 г. имеющихся сил не хватало для эффективного выкачивания необходимых ресурсов, противодействия латентной угрозе новой масштабной войны, в том числе с повстанцами, в ряде оккупированных регионов. Ухудшение гуманитарной обстановки провоцировало вспышки насилия с обеих сторон, которые должны были усилиться с окончанием сельскохозяйственного сезона. Оккупанты оказывались втянуты в местные конфликты как социального, так и национального характера. Попытки срочно отправить «лишние» на Востоке войска на испытывавшие кризис Салоникский и Западный фронты поставили германское командование перед перспективой мятежа еще до начала Ноябрьской революции. Пример стремительно распадавшейся австро-венгерской армии показателен. Особенно опасные последствия это могло возыметь не только на Украине, но и в Румынии, так и не завершившей демобилизацию армии, а также в Польше, где имелись условия для формирования нелояльных оккупантам вооруженных сил с опытом службы во всех имперских армиях. Разложение затрагивало и силы флота, как на Балтике, так и в черноморской акватории. При общих тенденциях на пространстве, контролируемом Центральными державами, прочность оккупационного режима зависела от соотношения сил с местными военно-политическими акторами, которое в каждом из регионов имело особую динамику.

В третьей главе «Первая германская оккупация как форма имплементации Брестской системы» анализируется Первая германская оккупация на западных и юго-западных окраинах бывшей Российской империи, а также Румынии в период ее кульминации весной-осенью 1918 г. В 8 параграфах, получивших название по основным чертам положения того или иного региона в новых военно-политических условиях, последовательно рассматривается место каждого в Брестской системе. Те из них, что оказались спорными зонами между странами Четверного союза (Румыния, Польша, Закавказье), а также могли стать таковыми при его расширении и укреплении связи с соседними нейтральными государствами (Финляндия,

Украина), обладали спецификой расстановки сил, потребовавшей дополнительных соглашений в Брестской системе, ее дальнейшего структурирования, образования региональных подсистем. Не все из оккупированных территорий при поддержке оккупантов были оформлены в особые государственные проекты. Союз с рядом сепаратистских движений был временным (на период боевых действий против большевиков) либо не состоялся (в Белоруссии). Ряд территорий не нашел своего места в создававшемся устройстве, оставаясь предметом новых компромиссов между основными державами Брестской системы или борьбы между амбициями соседних лимитрофов (Крым). Сказывались притязания ряда германских династий, рассматривались и иные монархические проекты, способные легитимировать режим германской оккупации после подписанного мира. Анализируемые в 8 параграфах регионы от Финляндии до Закавказья предоставляют достаточный для компаративного анализа материал, позволяющий оценивать историческую роль Первой оккупации в целом, в том числе в действиях германских инстанций в ходе Второй мировой войны.

В главе четвертой «Общие тенденции развития Брестской системы» анализируется развитие Брестской системы на уровне взаимоотношений между основными ее акторами, базовые устремления Германской империи, Советской России, набор имевшихся в их распоряжении средств для стабилизации обстановки в Восточной Европе и решения задач на других фронтах. Многие условия договора от 3 марта лишились актуальности уже к апрелю 1918 г., когда зона оккупации расширилась на регионы, статус которых Брестским миром определенно не оговаривался. Возникла проблема не только имплементации, но и постоянного редактирования многих параметров соглашений между Москвой и Берлином. Быстро менявшаяся обстановка на просторах бывшей Российской империи, радикальные большевистские преобразования, столкновения на демаркационной линии и взаимная подрывная деятельность вынуждали к непростому выбору из нескольких альтернатив. Заложённая в Бресте двойственность политики стала негласным, но едва ли не главным этическим принципом действий основных акторов новой системы международных отношений. Именно это сделало заключение новой редакции базового соглашения – Добавочного договора от 27 августа – затяжным и чрезвычайно зависимым от ряда случайностей процессом. Негативно сказались радикальные разногласия на субъективном уровне, но и подписание договора многим обязано личному вкладу таких его творцов, как П. фон Хинтце, И. Криге и А.А. Иоффе.

Значение Добавочного договора до сих пор недооценивалось, как и сложность фиксируемого им нового варианта раздела Восточной Европы, а в перспективе – Ближнего и Среднего Востока. В случае ничейного результата

в Великой войне, то есть победы Германии на сухопутных фронтах, в Берлине и германской Ставке планировали расширить сферу влияния на всю Евразию, заключив ряд взаимовыгодных сделок с союзниками и соседними нейтральными государствами, в перспективе убедив выйти из Антанты некоторых ее членов (Китай и Японию).

На реализацию сложного достигнутого компромисса осталось мало времени, поэтому «вторая редакция» Бреста была имплементирована в еще меньшей степени, чем исходный договор. Сказалось не только быстрое поражение Центральных держав, но и резкое изменение обстановки в пользу большевиков на фронтах Гражданской войны, начало революционных потрясений в армиях и в тылу стран Четверного союза. Это привело к быстрой деформации системы, хотя от контроля и экономической эксплуатации громадных пространств Германия и ее союзники не желали отказываться до последнего, даже жертвуя интересами других фронтов (особенно турецких). Зона Первой оккупации начала сокращаться еще в сентябре 1918 г., как в рамках соглашений с Советской Россией (в Белоруссии, в перспективе на Псковщине), так и в связи с недостаточностью средств для ее поддержания на отдаленных территориях (на Дону, Тамани, частично в Закавказье). Скоротечность этого этапа в развитии Брестской системы позволила впоследствии игнорировать ряд признаков наметившегося советско-германского сотрудничества в противодействии Антанте. Это оказалось выгодно с политической точки зрения последующей историографии, как советской, так и германской. В октябре 1918 г. большевики вернулись к проектам активного содействия революциям в Германии и Австро-Венгрии, неудачно задействованным еще в январе-феврале того же года. Стремление использовать сохранившиеся официальные каналы воздействия на ситуацию спровоцировали начало демонтажа Брестской системы по инициативе Германии, хотя это не соответствовало планам советского руководства.

В *заключении* подведены основные итоги диссертационного исследования.

Для нетитульных наций империй реформирование политического устройства явилось главным содержанием Великой войны, в особенности на Восточном фронте. В ходе масштабных мобилизационных усилий (и в случае территориального принципа комплектования) вопрос о национальных меньшинствах оказался перенесен на почву вооруженных сил с угрозой массовой нелояльности, мотивированной этнически. Данная проблема

затрагивала все колониальные и континентальные империи¹³⁴. Вопрос о конкретном победителе был менее важным, чем то, насколько управляемым окажется реформированное впервые за 100 лет этнотерриториальное устройство Восточной Европы. Вероятность этого была тем более мала с учетом революции в России и аналогичных перспектив в других империях.

Финальной фазой противостояния на Восточном фронте стали кампания 1918 г. («Фаустшлаг»), последовавшие боевые действия и военное присутствие на бывших российских территориях. Действовали в основном германские войска, но последствия этого сказывались на военном положении всех Центральных держав, влияя на распределение поставок сырья и продовольствия, на переговоры о совместных операциях и выделении резервов. Ограничиваться кайзеровской оккупацией и взаимодействием лишь Германской империи с «окраинными государствами» едва ли корректно. Возможно сконцентрироваться на логике, позиции и действиях различных германских инстанций, стремившихся к осуществлению гегемонии в складывающейся системе международных отношений. Эту систему, базировавшуюся на серии договоров между Центральными державами, Румынией и государствами на обломках Российской империи, уместно назвать Брестской. Она не сводится ни к договору от 3 марта, ни к обоим Брестам (включая мир с УНР от 9 февраля), представляя собой серию взаимосвязанных договоров между различными государствами Европы и Ближнего Востока.

Объем исследования определила задача выделения из нескольких конфликтов, тесно переплетавшихся на развалинах Российской империи, тех процессов и событий, которые укладываются в логику противостояния с Германией и Центральными державами в ходе Великой войны и при оформлении ее итогов в 1919–1921 гг. По результатам проведенной работы возникает основание отказаться от политизированных оценок Брестского мира как «передышки», преодолеть забвение процесса его имплементации и редактирования, игнорирование серии связанных с ним договоров. Реструктуризация постимперских пространств не могла быть отложена до заключения всеобщего мира. Германия и ее союзники намеревались немедленно закрепить победные итоги войны, чтобы воспользоваться ими для действий на других фронтах, а затем поставить побежденных перед фактом передела бывших российских территорий. Спротивление Брестскому миру и иным продиктованным Центральными державами договорам нарастало, но добиться их ревизии силовым путем не могла ни

¹³⁴ См., подп.: Minderheiten-Soldaten. Ethnizität und Identität in den Armeen des Ersten Weltkriegs / hrsg. von O. Überreger. Paderborn, 2018.

одна из политических сил на постимперских пространствах, включая те, что получали существенную поддержку от Антанты.

Развитие новой системы международных отношений было несвободно от заложенных в ней на стадии переговоров, а затем активных боевых действий негативных черт и противоречий, однако это не стало препятствием для развития экспансионистских проектов. Оккупационная политика варьировалась по политическому оформлению, основным задачам и уровню взаимодействия с местными элитами в зависимости от региона. Ее поступательное развитие осложнялось встречными тенденциями, от глобального до индивидуального масштаба, вклад которых в ход событий был мало предсказуем, в том числе из-за недостатка информации и слабых возможностей ее комплексного анализа. Сложность стоявших перед акторами *Ostpolitik* задач недооценивалась центральными ведомствами, исходившими из беспорности гегемонии Кайзеррейха и отсутствия у него сопоставимых противников кроме Антанты.

Раскол бывшей Российской державы гарантировал фрагментацию системы и необходимость тонкой региональной настройки. Коалиционный характер формирования Брестской системы делал структурирование на подсистемы неизбежным, даже при укреплении гегемонии Германской империи в Четверном союзе. Согласие Кайзеррейха на образование подсистемы могло быть следствием важных и политически болезненных амбиций ее союзников или вызванной удаленностью региона или инфраструктурными причинами нехватки сил. Такими пространствами в Брестской системе были Финляндия и соседний с ней Русский Север, Причерноморье, особенно территория Румынии и кавказское побережье, а также Закавказье.

Изучение сохранявшегося весь 1918 г. Восточного фронта Великой войны обязывает к расширению набора исследуемых территорий и акторов, среди которых большевистская Россия сохраняла центральное, но не господствующее положение. Факт распада прежней империи к началу становления Брестской системы был несомненен, однако это не означает, что он воспринимался как процесс завершенный или вполне осознанный и учтенный на практике и в архитектуре германской *Ostpolitik*. Для этого требовалось длительное время, которое Брестская система не просуществовала. Корректный анализ любых двусторонних отношений на постимперских пространствах возможен при учете воздействия бывшей или потенциальной метрополий. Отношения между Германией и Советской Россией также оказываются более понятными через призму противостояния между Центральными державами и Антантой, нежели при фокусировке на лишь Российской империи.

Реализация германских проектов осложнялась конфликтами внутри Четверного союза, отсутствием важных звеньев в цепи договоров на Востоке (между Советской Россией и Финляндией, между РСФСР и Украинской державой), нежеланием отказываться от начатой поддержки новых сателлитов (Дона, Грузии), нежеланием сотрудничать с рядом национальных движений (эстонским, латышским, белорусским), нелояльностью бывших союзников по антибольшевистской кампании (польских и украинских военных). Двойственность политики основных держав, поддержка антиправительственных сил, внутривнутриполитическая нестабильность, ведомственные и личные склоки грозили сорвать имплементацию соглашений, привести к полному пересмотру прежних рамок Брестской системы. Реконструкция набора этих негативных факторов, а также ряда позитивных для развития Брестского устройства тенденций возможна при вводе в оборот большого количества новых источников разных типов, но в первую очередь из военных инстанций.

Брестский мир и созданная им система являлись беспрецедентной по масштабам попыткой восстановления трансрегионального экономического пространства. Продолжавшаяся мировая война и проблема признания ряда новых элементов системы большинством стран мира означали частичную или полную блокаду. Это толкало к замкнутости и необходимости более тесной интеграции, в которой были заинтересованы все элементы системы с точки зрения экономики, но не способны на нее – с точки зрения политики. Брест воспринимался как импульс к восстановлению разорванного экономического партнерства, которое за годы войны сменилось на систему полулегального и опосредованного взаимодействия, а также резкой переориентацией на военно-политических союзников и не готовый к этому внутренний рынок. Распад Российской империи привел к тому, что новое единство Центральной Европы и Евразии выстраивалось из фрагментарных сделок и односторонне трактуемых интересов, что могло только усилить деформацию экономики регионов, не обладавших самодостаточностью. Эта интеграционная сторона последствий Бреста была жизнеспособнее его военно-политических итогов, что осознавали и германские военные. Привлечение сохранившихся военных архивных источников позволило заново рассмотреть комплекс проблем, связанных с историей Первой германской оккупации Восточной Европы и ее ролью в становлении национальных государств и в исходе Великой войны. Проблема ползучей фрагментации огромного пространства и многовекторных территориальных претензий не могла быть сведена к искусственным межимперским границам. Накопившиеся за столетие этнотерриториальные конфликты вне империй оказалось невозможно разрешить. Очевидное главенство Германии не

гарантировало ей возможности продиктовать новое устройство Восточной Европы и не означало гарантию его прочности.

Особенностью германской Ostpolitik являлось то, что военные, дипломаты и политические эмиссары на местах действовали относительно центральных инстанций самостоятельно, так что главные разногласия пролегли внутри ведомственной иерархии: вертикальные связи слабели, а горизонтальные усиливались. Представление о борьбе военных против дипломатов, политиков и т.д. – один из стереотипов, затрудняющий корректную оценку их взаимодействия, развивавшегося в специфических условиях германской «победы на Востоке» в 1918 г.

Зависимость от экономического эффекта достигнутого на Востоке «мира» требовала от Кайзеррейха и его союзников существенных расходов и оккупационных усилий, главной целью которых были фиксация установленного к июню 1918 г. порядка и блокирование вооруженных конфликтов любого уровня, если элементы Брестской системы участвуют в них с обеих сторон. Возобновления активных боевых действий на Востоке с Антантой германское командование могло избежать только при функционировании Брестской системы. В связи с ее врожденными пороками добиваться этого приходилось боевыми действиями или оккупационными акциями различного масштаба.

Созданный в Бресте «порядок» следует признать изначально нежизнеспособным: в системе с неясными границами вероятность скоординированных действий даже первостепенных и заинтересованных в ее сохранении элементов – т.е. Центральных держав и, с оговорками, большевиков – очень мала. Другие акторы почти открыто рассчитывали на создание принципиально иного порядка или вхождение в более глобальную конструкцию. Все это повышало «цену» Брестской системы для ее гегемона при сомнительных перспективах сохранения прежнего уровня выгод. Ситуация с источниками и статистикой такова, что при желании ограничиться материальной стороной проблемы полученные итоги будут отличаться высокой долей оценок и предположений. Это касается не только реальных, но и потенциальных результатов Первой оккупации.

Следует отметить, что при детерминировании хода событий в системе на основе избранной методологии или в рамках приоритета, при абсолютизировании одного из слоев конфликта, мемуаристы и исследователи нередко вынуждены были «списывать» неудобные, но ощущаемые при изложении выстроенной концепции события и силы на безразмерные, иррациональные и почти абстрактные категории. Инерция представлений широких общественных кругов и последствия специфических компромиссов в узкой академической среде затянули историзацию событий на

постимперских пространствах, а затем сменились витком политизирования событий вековой давности.

Проведенное исследование позволило выявить, реконструировать и обосновать логику комплексных процессов на постимперских пространствах, сказывавшихся на финале Великой войны и в течение межвоенного периода. Заложенные в период существования Брестской системы межнациональные территориальные конфликты не получили в рамках Версаля должного урегулирования, став одной из причин его будущего демонтажа дипломатическими и военными средствами после усиления основных держав бывшей Брестской системы на следующем этапе их развития.

Публикации по теме исследования

Монографии

1. *Ланник Л.В.* Победоносные проигравшие. Германская военная элита 1914–1921. СПб., 2016.
2. *Ланник Л.В.* После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Публикации в научных периодических изданиях, рекомендованных ВАК

1. *Ланник Л.В.* Историю пишут проигравшие: становление германской военной историографии Великой войны в 1920–30-е гг. // Новая и новейшая история. 2014. № 6. С. 129-144.
2. *Ланник Л.В.* Семья, долг, честь в Великой войне: проблемы повседневности германской военной элиты // Вестник Балтийского федерального университета. Вып. 12. Калининград, 2014. С. 94-101.
3. *Ланник Л.В.* Политические факторы трансформации кайзеровской военной элиты: на пути к рейхсверу 1918–1921 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 3 (27). С. 324-332.
4. *Ланник Л.В., Евдокимова Т.В.* Министры рейхсвера Веймарской республики // Новая и новейшая история. 2016. № 5. С. 45-58.
5. *Ланник Л.В.* Военный консерватизм и консерватизм военных: Военная элита Германской империи в поисках политической самоидентификации // Исторический журнал: научные исследования. 2016. № 5 (33). С. 29-43.
6. *Ланник Л.В.* Реакция на Русскую революцию командования германских войск на Востоке в 1917–1919 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 6. С. 54-68.
7. *Ланник Л.В.* К вопросу о субъективных факторах Танненберга // Вестник Балтийского федерального университета. Гуманитарные и общественные науки. Калининград, 2017. № 3. С. 66-80.

8. Ланник Л.В. «Мятеж» фрайкоров в Прибалтике 23 августа 1919 г.: вспышка германской гражданской войны // Санкт-Петербургский исторический журнал. № 3 (19). 2018. С. 186-198.

9. Ланник Л.В. Наследие Брестской системы в ходе становления «версальского порядка» в Восточной Европе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Выпуск 6 (80) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840006000-9-1/>.

10. Ланник Л.В. Германский фактор в государственном перевороте на Украине (апрель 1918 г.) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Выпуск 3 (89) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей: <https://history.jes.su/s207987840009171-7-1/>

11. Ланник Л.В. Имплементация Брестского мира как проблема современной историографии // Новая и новейшая история. 2020. № 4 (64). С. 19-34.

12. Ланник Л.В. Германская интервенция 1918 г. на западных окраинах России (на примере Брянщины) // Россия и современный мир. 2020. № 3. С. 23-37.

13. Ланник Л.В. Миссия Гельфериха в Москве: забытая флуктуация советско-германских отношений летом 1918 г. // Россия и современный мир. 2020. № 4. С. 189-212.

14. Ланник Л.В. Диагностика режима: германская военная аналитика о гетманской Украине // Новая и новейшая история. 2021. № 1 (65). С. 196-213.

15. Ланник Л.В. Реструктурирование постимперских пространств: уроки и последствия опыта 1918 г. // Международная жизнь. 2021. № 3. С. 144-151.

16. Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье в 1918 г.: к постановке вопроса // Новая и новейшая история. 2021. № 3 (65). С. 5-22.

17. Ланник Л.В. Начало интервенции на Дальнем Востоке через призму интересов Центральных держав // Известия Лаборатории древних технологий. 2021 (17). № 1. С. 240-261.

Публикации источников и переводы литературы

1. Описание послевоенных боев германских войск и фрайкоров. Вывод войск с Востока / Перев. с нем. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014. 256 с.

2. Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / Перев. с нем., пред. и комм. Л.В. Ланника. СПб., 2015. 320 с.

3. Бои в Прибалтике. 1919 год / Перев. с нем., комм. и науч. ред. Л.В. Ланника. М., 2017. 442 с.

4. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914–1918 гг. / Перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2017. 677 с.

5. Украина – 1918. Взгляд из Германии / Перев. с нем., комм. и пред. Л.В. Ланника. М., 2018. 334 с.
6. Прибалтийский излом (1918–1919). Август Винниг у колыбели эстонской и латвийской государственности / Пер. с нем. Л.В. Ланника, комм. и пред. Н.Н. Кабанова, Л.В. Ланника, В.В. Симиндея. М., 2019. 224 с.
7. Прибалтика между двумя революциями / Перев. с нем. Л.В. Ланника, комм. и вст. ст. Л.В. Ланника и Н.В. Лаврентьева. СПб., 2021. 416 с.
8. *Паке А.* В коммунистической России. Письма из Москвы / Пер. с нем. А.В. Власова, науч. ред., пред. и комм. Л.В. Ланника. СПб., 2021. 280 с.

Рецензии

1. Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917–1923 / Сб. стат. под ред. Р. Герварта, Д. Хорна. М.: НЛЮ, 2014 // Recensio Moskau 2015-6 (URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/recensio-moskau/2015-6/lannik_gerwarth-horne).
18. Leonhard J.: Die Büchse der Pandora: Geschichte des Ersten Weltkriegs. München: C.H. Beck, 2014. 4. Aufl. // Recensio Moskau 2016-7 (URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/recensio-moskau/2016-7/lannik_leonhard).
19. Münkler H.: Der Große Krieg. Die Welt 1914–1918. – (Bundeszentrale für Politische Bildung, Bd. 1438), Bonn (Berlin: Rowohlt Verlag), 2014. // Recensio Moskau 2017-8 (URL: http://www.perspectivia.net/publikationen/recensio-moskau/2017-8/lannik_muenkler).
20. Baumgart W. (Hg.): Botschafter Rudolf Nadolny: Russlandkenner oder Russlandverstehrer? Paderborn, 2017 // Recensio Moskau 2018-9 (URL: https://www.perspectivia.net/receive/pnet_mods_00000870)
21. Gerwarth R. Die Besiegten: das blutige Erbe des Ersten Weltkriegs / aus dem Engl. A. Weber. München, 2018. // Recensio Moskau 2019-10 (URL: https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00002332)
22. Hentilä, M.; Hentilä, S. 1918 – Das deutsche Finnland: Die Rolle der Deutschen im finnischen Unabhängigkeitskrieg. Bad Vilbel, 2018 // Recensio Moskau 2019-10 (URL: https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_000023323)
23. Leonhard J. Der überforderte Frieden: Versailles und die Welt 1918–1923. München, 2018 // Recensio Moskau 2019-10 (URL: **Ошибка! Недопустимый объект гиперссылки.**)
24. Bachinger B.: Die Mittelmächte an der Saloniki-Front 1915–1918. Zwischen Zweck, Zwang und Zwist. Paderborn, 2018 // Recensio Moskau 2020-11 (URL: https://perspectivia.net/receive/ploneimport_mods_00003443)
25. Klare K.-A.: Imperium ante portas. Die deutsche Expansion in Mittel- und Osteuropa zwischen Weltpolitik und Lebensraum (1914–1918). Wiesbaden, 2020

// Recensio Moskau 2020-11 (URL: https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00003955)

26. Stempin A.: Das vergessene Generalgouvernement. Die deutsche Besatzungspolitik im Kongresspolen 1914–1918. Paderborn, 2020 // Recensio Moskau 2020-11 (URL: https://perspectivia.net/receive/pnet_mods_00003956)

Основные статьи в прочих научных журналах и сборниках

1. Ланник Л.В. История Русского фронта Первой мировой войны как проблема современной германской историографии // Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом / Сб. статей. М., 2011. С. 103-109.

2. Ланник Л.В. Заканчивать ли войну? Германская военная элита между Компьенем и Версалем // Первая мировая, Версальская система и современность. СПб., 2012. С. 230-242.

3. Ланник Л.В. Цена победы: к вопросу о потерях германской армии на Востоке в 1918 г. // Труды 3-х Головинских чтений. Сб. статей. СПб., 2013. С. 1-28.

4. 2 марта 1917 г. и 9 ноября 1918 г.: военные элиты в ходе двух отречений // XX век и Россия: общество, реформы, революции. Электронный сборник. Вып. 1. <http://sbornik.portal63.ru/> Самара, 2013. С. 109-121.

5. Ланник Л.В. «Непознанный враг»: крестьянство и австро-германская интервенция на Украине в 1918 г. // Крестьянский фронт 1918–1922 гг. / ред. и сост. А.В. Посадский. М., 2013. С. 223-236.

6. Ланник Л.В. Брестская система международных отношений и германская военная элита // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения / Сб. стат. Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2014. С. 323-336.

7. Ланник Л.В. Накануне «удара в спину»: германская армия осенью 1918 г. // Первая мировая, Версальская система и современность. Вып. 2. СПб., 2014. С. 274-284.

8. Ланник Л.В. Рекрутирование военных элит в консервативных монархиях в начале XX в. и национальный вопрос // Национально-этнические процессы в региональном политическом пространстве. Саратов, 2014. С. 279-288.

9. Ланник Л.В. Восточный фронт накануне Октябрьской революции: перспективы Германии // Первая мировая война – пролог XX века. Мат-лы межд. конф., 8-10 сентября 2014 г. Часть I / отв. ред. Е.Ю. Сергеев. Москва, 2014. С. 82-88.

10. Ланник Л.В. «Недостающее звено»: к проблеме истории повседневности в Великой войне (на примере германской военной элиты) /

История и историческая память / под ред. А.В. Гладышева, Т.А. Булыгиной. Вып. 10. Саратов; Ставрополь, 2014. С. 88-107.

11. *Ланник Л.В.* Проблема сохранения кадрового потенциала германского офицерства в условиях версальских ограничений // Первая мировая война, Версальская система и современность. Вып. 3. СПб., 2015. С. 343-354.

12. *Ланник Л.В.* Йозеф Бишоф – каждый фронт как последний // История, общество, политика. Брянск, 2017. № 4. С. 26-42.

13. *Ланник Л.В.* Судьба наследия Брестской системы между Компьеном и Версалем // Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира / Сб. мат-лов междунауч. конф. / Под ред. В.В. Романова. Тамбов, 2018. С. 156-168.

14. *Ланник Л.В.* Будни Литвы времен Первой германской оккупации в меморандуме М. Эрцбергера (1917 г.) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. Вып. № 4 (16). 2019. С. 100-112.

15. *Ланник Л.В.* «Украинский фактор» в кампании 1918 г. на Западном фронте: цена и последствия интервенции для Центральных держав // Русский сборник. Т. 28. М., 2020. С. 487-513.

16. *Ланник Л.В.* Весенний дивертизмент: к истории германо-эстонского альянса в 1918 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. Вып. № 1 (17). 2020. С. 25-41.

Статьи в иностранных научных журналах и изданиях

1. *Lannik L.V.* Die Struktur des Brester Systems der internationalen Beziehungen: Potential, Beteiligte, Grundbedingungen und Entwicklungsprobleme // Krieg und Frieden. Folgen der Russischen Revolution. Nordost-Archiv. № 27 (2018). Lüneburg, 2020. S. 27-51.